

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ ТАТАРСКОЙ АССР

Фото Мих. Грачева

Кандидаты на получение сталинской стипендии студенты Казанского государственного университета имени Ленина — Н. Г. Манонов (слева) и И. А. Кутуев — у здания Университета.

Казань — центр Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Снимок сделан с самолета.

Под руководством большевистской партии Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика добилась за два десятилетия больших исторических побед. Разрослась промышленность Татарии, Республика из отсталой, аграрной превратилась в индустриально-аграрную. Неизмеримо улучшилось материально-бытовое положение трудящихся. На этой благодатной почве расцвели культура, искусство и наука татарского народа. Подъем социалистического земледелия, промышленности и культуры ярко отразился в бюджете республики, увеличившемся за два десятилетия в 58 раз. Трудящиеся Татарии, недавно отпраздновавшие двадцатилетие своей республики, готовы к новым трудовым подвигам во славу своей великой родины — многонационального Советского Союза.

Сцена из пьесы «Ходжа Насретдин» в Государственном татарском академическом театре. В роли Ходжи — заслуженный артист Татарской республики Халил Аджалилов.

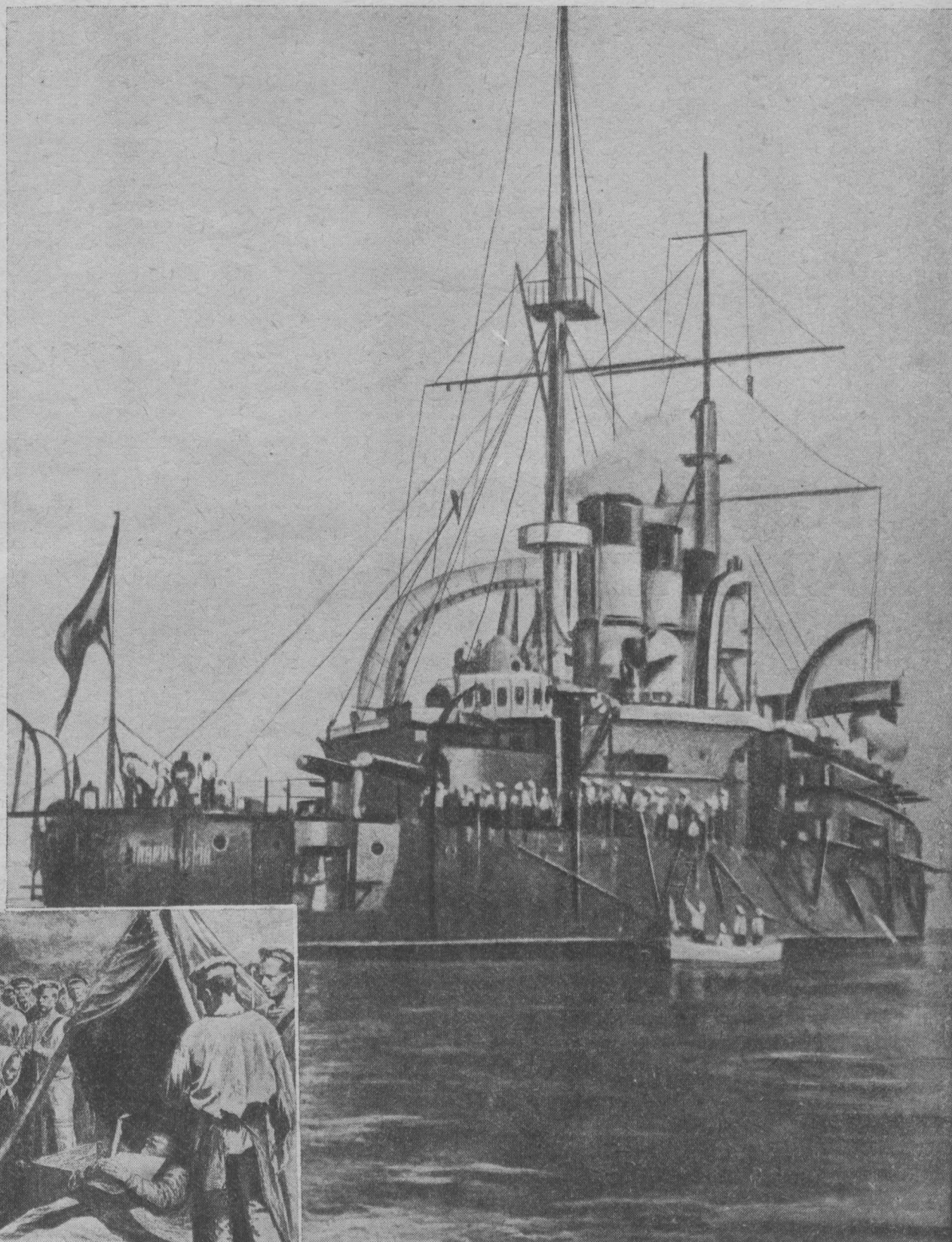
На обложке: стахановки колхоза „24 березня“, Радеховского района, Львовской области: Стефания Ковалик (справа) и Катерина Ружанская. Фото Г. Зельма и Н. Колли. На последней странице обложки: фотоэтиюд Г. Зельма „У моря“.

35-ЛЕТИЕ ВОССТАНИЯ НА «ПОТЕМКИНЕ»

27 июня 1905 года восставший против самодержавия эскадренный броненосец «Князь Потемкин Таврический» подошел к Одессе, где в это время происходили бои между царскими войсками и восставшими рабочими. Революционные матросы свезли на берег тело своего боевого товарища Вакулинчука, убитого накануне старшим офицером броненосца. Похороны Вакулинчука 28 июня превратились в грандиозную революционную демонстрацию. Вечером в тот же день «Потемкин» обстрелял из орудий штаб царских войск в Одессе.

Ленин придавал очень крупное значение восстанию потемкинцев. «Восстание в Одессе,— писал он,— и переход на сторону революции броненосца «Потемкин» ознаменовали новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия» (Ленин. т. VII, стр. 379).

Революционные традиции потемкинцев — ненависть к угнетателям, горячая любовь к народу и родине — живут в сердцах командиров и краснофлотцев нашего флота, зорко охраняющего завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

Эскадренный броненосец «Князь Потемкин Таврический» на одесском рейде. Снимок сделан в Одессе в июне 1905 года.
Слева — митинг у тела Вакулинчука,

ВОЙНА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

На снимках:

1. Германские войска врываются в Мобеж. На заднем плане слева — дома, разрушенные воздушной бомбардировкой и пожарами.

2. Оставленная французами долговременная огневая точка № 505 на французско-бельгийской границе.

3. В «мертвом» городе на фронтовой линии. Английские пулеметчики ведут огонь по наступающим германским частям.

На снимках:

4 и 5. Северная Франция, окрестности города Перрона: результаты воздушной бомбардировки. Разрушения на дорогах и улицах города.

6. Пленные французы, отправляемые в германский тыл.

7. Среди развалин: французские беженцы в поисках пристанища.

ГИБРАЛТАР—СУЭЦ

Пароход подходит к Гибралтарскому проливу—воротам, ведущим из Атлантического океана в Средиземное море. Чем больше вы продвигаетесь на восток, тем уже пролив. Между мысом Тарифой и мысом Сиресом он суживается до 13 километров, но у самого Гибралтара, возле мыса Европа-пойнт, ширина пролива уже достигает 21 километра.

С левого борта парохода видны отроги горных кражей Испании. Впереди, сквозь фиолетовую мглу, вырисовываются контуры громадной голый скалы. Это знаменитая Гибралтарская скала. Здесь пролегла граница мира древних греков, мифические Геркулесовы столбы. Здесь в VIII веке высадились на испанский берег арабы-завоеватели. Они первые оценили стратегическое значение Гибралтарской скалы и устроили крепость Джебель-аль-Тарик, по имени своего предводителя Тарик-бен-Сеида.

Долгие века Гибралтаром владела могущественная Испанская империя. Но в конце XVII века, когда Испания стала клониться к упадку, вокруг Гибралтарской скалы стали кружить британские коршуны. Сломив в ряде войн морское могущество Испании, Англия решила завладеть торговыми путями на Ближний Восток, идущими через Средиземное море. 4 августа 1704 года английский адмирал Рук появился в гибралтарской бухте со своим флотом, обстрелял форты и высадил десант, захвативший важнейшие батареи крепости. Вход в Средиземное море с запада был в руках Англии.

С открытием Суэцкого канала в 1869 году Гибралтар стал важнейшим портом на кратчайшем морском пути из Европы в Азию, в тихоокеанские страны. С этого момента и военно-политическое значение Гибралтарского пролива возросло во много раз и прежде всего для Британской империи.

На узком восточном берегу гибралтарской бухты расположен небольшой городок—узкие улицы, длинные казарменного типа дома, фундаментально построенные казенные здания, мастерские. Это город Гибралтар.

Крепость Гибралтар расположена по склонам утеса и состоит из нескольких ярусов. Крытые галереи идут от нижних батарей спирально вверх. Каждый бастион защищен другим бастионом. Дальноточные орудия, расположенные в верхних ярусах, могут держать под обстрелом суда, находящиеся на расстоянии до 35 километров.

Базируясь на Гибралтар, английские морские силы держат под контролем морское пространство в 1000—1200 километров в обе стороны пролива.

На западном берегу гибралтарской бухты, в 11 километрах от крепости, белесет маленький испанский городок Алхесирас. В последние годы здесь установлены тяжелые орудия. Отсюда можно обстреливать английский цитадель. К северу от Гибралтарской скалы, на испанской территории, на холмах, амфитеатром окружающих Гибралтар, установлены такие же батареи; они угрожают английской крепости с тыла.

Но угроза нависла не только с севера. На южном берегу пролива, там где видны отроги горного массива Джебель-Муса, на территории Испанского Марокко, воздвигнута линия дальноточных батарей. Испанская крепость Сеута—ключ к английскому замку, запирающему Средиземное море с запада.

Бывало, около 40 судов ежедневно пересекало Гибралтарский пролив в разных направлениях. Пароходы, большей частью английские, везли в Англию из Египта, Индии, Индонезии, Австралии, Новой Зеландии хлопок, пшеницу, мясо, шерсть, медь, олово, нефть. Взамен сырья Англия этим же путем посылала на Восток ткани, машины, автомобили, самолеты. Сейчас не видно здесь английских грузовых пароходов. Средиземноморский путь стал для них опасным. По приказу британского адмиралтейства, они, как в старину, огибают африканский материк и следуют мимо мыса Доброй Надежды на восток. Теперь, как до 1869 года, от Саутгемптона до Бомбея надо проходить 19710 километров—на 8410 километров больше чем по кратчайшему пути через Суэцкий канал. Часть короткого пути—около 3600 километров—проходит по Средиземному морю—такова его средняя протяженность с запада на восток. И почти на всем средиземноморском отрезке этого пути британских кораблей им угрожают итальянские морские и авиационные базы. Средняя ширина Средиземного моря—670 километров, но даже в наиболее широкой части—между Большим Сиртом на юге и Триестом на севере,—где оно достигает 1665 километров, море «простреливается» итальянской авиацией.

Злой африканский ветер «сирокко» вспенивает обычно тихие средиземноморские воды. Гонимые бурей, спешат к родным берегам окрашенные в белый цвет, чтобы нестрашны были горячие лучи южного солнца, французские пароходы. Через западную часть Средиземного моря, с севера на юг,

Самолеты над Суэцким каналом.

лежат кратчайшие пути Франции к ее африканским колониям: Марокко, Алжиру, Тунису. Через Суэц проходят ее пути к богатейшему острову Мадагаскару и к громадной колонии в Азии—Индокитаю. На восточном берегу Средиземного моря лежит порабощенная Францией Сирия. Больше половины всей потребной Франции нефти доставлялась ей отсюда по Средиземному морю. Каучук, медь, уголь, фосфаты, олово и, главное, африканских солдат везли раньше белые пароходы из Орана, Алжира, Бизерты в Сет, Марсель, Тулон.

С тревогой всматриваются теперь вдаль капитаны. Скалистые вершины Балеарских островов грозно глядят с запада. Не везет французским мореходам! Почти весь XVIII век на одном из островов—Менорке—крепко сидели англичане. Теперь фактическими хозяевами здесь являются итальянцы.

Правда, есть еще у французов опора в этой части Средиземного моря—сторожевое охранение перед Тулоном и Ниццей—и в то же время передовая позиция, угрожающая Генуе, Специи и даже Риму—это Корсика. Романтический остров, воспетый Мериме, родина Наполеона,—предмет давних притязаний Италии. Кто только не хозяйничал на этом гористом острове, покрытом апельсиновыми рощами, каштановыми лесами и густыми зарослями вечнозеленого кустарника! Греки, этруски, карфагеняне, римляне, готы, сарацины, лангобарды и снова сарацины, генуэзцы, французы, англичане и опять французы—в течение веков доказывали свое право владеть этим форпостом на северо-западе Средиземного моря. Французские военно-морские и авиационные базы на Корсике: Аяччо, Бонифаччо и Аспретто—охраняют коммуникации Франции и в то же время угрожают Италии: от Аяччо до берегов Италии—80 километров—несколько минут летного пути.

Как два смертельно враждующих соперника стоят друг против друга два острова: итальянская Сардиния и французская Корсика. Только узкий пролив Бонифаччо разделяет их. Но цель морских и воздушных баз Сардинии—не только угроза укреплениям Корсики. Узкий Сицилийский пролив, ведущий из западной части Средиземного моря в восточную,—вот куда теперь устремились итальянские военные корабли и самолеты, базирующиеся в Кальяри, на южном берегу Сардинии. Здесь находится северозападный угол так называемого итальянского «квадрата огня». Базы в Трапани, на западном берегу острова Сицилии, и небольшой островок Пантеллерия в Сицилийском проливе составляют остальные два угла. Четвертого угла «квадрат огня» не имеет. Его обязанности должна будет исполнять, по мнению итальянцев, французская база в Тунисе—Бизерта.

Гибралтарский порт.

Древний путь между Сицилией и Харибдой, как известно, через нынешний Мессинский пролив. Ныне «музы моря» — олицетворение опасностей, скрывающихся под зеркальной, на вид безопасной поверхностью моря, — переселились, очевидно, южнее — в Сицилийский пролив. Пролив имеет наибольшую глубину до 200 метров и поэтому легко может быть минирован. «Французская Сицилия» на южном берегу пролива, на мысе Бон, и «итальянская Харибда» в Марсале, в Сицилии, разделены всего 130 километрами водного пространства.

Но в этом районе есть еще третья, союзная Франции сила — британская база на острове Мальта. Как и Корсика, Мальта привлекала жадные взоры завоевателей всех времен. Финикийцы, греки, карфагеняне, римляне, вандалы, готы, арабы, норманны, рыцари-иоанниты, известные под названием мальтийских рыцарей, французы и, наконец, англичане побывали здесь. Наполеон оценил стратегические преимущества острова и захватил его в 1798 году по пути в Египет. Однако уже в 1800 году Англия заняла Мальту.

Мрачную картину представляет этот голый остров, спадающий в море крутыми, недоступными обрывами. Днем на террасах, разбитых по склонам холмов, можно еще видеть копошащихся в земле крестьян. Но после захода солнца здесь воцаряются тьма и молчание.

Мальта — ненадежная база. «Положение Мальты будет не очень приятным в случае воздушной атаки со стороны Италии», — признается лейтенант-командор Кеннет Эдвардс в газете «Сандей таймс». В последние годы на Мальте оборудованы новые аэродромы, по всему побережью построены бетонированные пулеметные гнезда. Однако англичане не в силах отдалить итальянские воздушные базы Сиракузы и Аугусту на острове Сицилии, расположенные всего в 180 километрах от Мальты. Для современного бомбардировщика достаточно получаса, чтобы долететь к Мальте с севера, из Сиракуз, и двух часов, чтобы достичь мальтийских аэродромов из итальянской Триполитании, с юга.

С тех пор как Албания оккупирована Италией, Адриатическое море стало именоваться в Риме «внутренним итальянским озером». Узкий Отрантский пролив, ведущий из Ионийского моря в Адриатическое, может быть легко заперт итальянцами. Лишь с близлежащего греческого острова Корфу англичане могли бы контролировать этот про-

ход. Но самый остров находится фактически под дулом итальянских орудий.

Чем дальше на восток, тем чаще расставлены британские базы в Средиземном море. На плоском песчаном берегу Египта расположены опорные пункты Британии: Мерса-Метру и Соллум. Денно и ночью ведутся здесь работы по строительству укреплений: рядом, в итальянской Ливии, сконцентрированы войска и самолеты. Дальше к востоку лежит Александрия, древний центр эллинистической культуры, город, именем которого названа целая эпоха в истории человеческой культуры. Здесь в 1882 году произошло выступление против европейцев, послужившее англичанам предлогом для оккупации Египта. Прекрасная александрийская бухта привлекала всегда внимание британского адмиралтейства. В ней легко вмещается весь средиземноморский флот Англии.

К востоку от Александрии расположен второй крупнейший египетский порт — Порт-Саид. Здесь начинается знаменитый Суэцкий канал, предмет ожесточенной борьбы между Англией и Францией с одной стороны и Италией — с другой.

Идея соединения каналом Средиземного моря с Красным относится к древнейшим временам.

В 1859 году, когда французский консул в Каире Лессепс организовал в Париже «Всемирную компанию морского Суэцкого канала», смелая идея, казалось бы, стала претворяться в жизнь. Но на пути прогресса стояла, как это ни странно, буржуазия самой экономически развитой страны в то время — буржуазия Англии.

Англичане боялись, что прорытие Суэцкого канала откроет французам путь к британским владениям в Индии. Под давлением англичан капиталисты других стран отказывались от финансирования строительства. Тогда Лессепс уговорил египетского хедива Саид-пашу купить в рассрочку 176 602 акции канала на сумму 88 300 тысяч франков. Эта финансовая операция и была использована через 17 лет «коварным Альбионом». Когда 16 ноября 1869 года канал был построен и открыт, англичане прекратили кампанию против великого предприятия. Почтенный орган британской буржуазии — газета «Таймс» — доказывал необходимость поскорее захватить канал в руки Британии. Случай скоро представился. Египетский хедив Измаил обанкротился и лично принадлежавшие ему акции канала продал английскому правительству, во гла-

ве которого тогда стоял Дизраэли. Англия оказалась хозяйном канала.

Еще Пальмерстон предсказывал, что если канал будет прорыт, то Англия приложит все усилия к захвату Египта. Так оно и случилось. Для укрепления своего господства в зоне Суэцкого канала Англия захватила в 1882 году Египет, в 1898 — Судан, овладев еще до открытия канала островом Перим в Баб-эль-Мандебском проливе. В 1878 году Англия добилась от Турции права на военную оккупацию Кипра и окончательно захватила его после империалистической войны. Захват Палестины, Трансиордания, борьба за установление британского влияния в странах Аравии также в значительной степени объясняются стремлением Англии уберечь Суэцкий канал от притязаний других держав.

По международному соглашению, Англия не имеет права закрыть судоходство по каналу ни в мирное, ни в военное время. Однако Англия имеет фактическую возможность это сделать, и она так и поступила.

Вновь построенные английские военноморские базы в Фамагусте, Лимассоле и Ларнаке, на острове Кипр, так же как и база в Хайфе, в Палестине, предназначены охранять британское господство в восточной части Средиземного моря. Однако итальянская бомбардировочная авиация, базирующаяся на острове Додеканез (в Эгейском море) с севера, на Ливию — с запада, на Масауа и Ассаб — с юга, а также итальянский подводный флот могут нанести Англии в этом районе крепкий удар.

Вот почему Англия пытается «получить в кредит» у Греции и Турции их базы в Эгейском море и вместе с Францией сконцентрировала по обе стороны Суэцкого канала большое количество войск и кораблей.

Уже с начала мая главные силы британской и французской средиземноморских эскадр покинули свои постоянные базы на Мальте и в Тулоне и сосредоточились в районе Александрия — Бейрут, прикрывая подходы не только к Суэцкому каналу, но и к главным узлам колониальных владений Англии и Франции в Африке и Азии от удара со стороны Италии. Одновременно были закрыты для судоходства Гибралтарский пролив и Суэцкий канал. В Лондоне и Париже со дня на день ожидали выступления Италии. 10 июня война была объявлена.

Лазурное Средиземное море стало ареной ожесточенных битв между империалистическими державами.

Фотоэтиюд Е. Леонова.

Агния Барто

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1. О ВЕСНЕ

Весна, весна на улице,
Весенние деньки!
Как птицы, заливаются
Трамвайные звонки.
Шумная, веселая
Весенняя Москва!
Еще не запыленная
Зеленая листва.
Галдят грачи на дереве,
Гремят грузовики.
Весна, весна на улице,
Весенние деньки!
Я по улице скачу,
Я веревочку верчу,
Сорок раз без передышки
Прыгну, если захочу.
Тут прохожим не пройти:
Тут веревка на пути.
Хором девочки считают
До пятидесяти пяти.
Это с нашего двора

Чемпионы-мастера
Носят прыгалки в кармане,
Скачут с самого утра
Во дворе и на бульваре,
В переулке и в саду,
И на каждом тротуаре
У прохожих на виду.
И с разбега,
И на месте,
И двумя ногами вместе.

2. НОВИЧОК

Почему сегодня Петя
Просыпался десять раз?
Потому что он сегодня
Поступает в первый класс.
Он теперь не просто мальчик,
А теперь он новичок.
У него на новой куртке
Отложной воротничок.
Он проснулся ночью темной,

Было только три часа.
Он ужасно испугался,
Что урок уж начался.
Он оделся в две минуты,
Со стола схватил пенал,
Папа бросился вдогонку,
У дверей его догнал.
За стеной соседи встали,
Электричество зажгли,
За стеной соседи встали,
А потом опять легли.
Разбудил он всю квартиру,
До утра заснуть не мог.
Даже бабушке приснилось,
Что она твердит урок.
Даже дедушке приснилось,
Что стоит он у доски
И не может он на карте
Отыскать Москвы-реки.
Почему сегодня Петя
Просыпался десять раз?
Потому что он сегодня
Поступает в первый класс.

РОДИНА

РАССКАЗ

1

В конце мая, возвращаясь из Италии, Баженов приехал в Париж. День угасал. На фоне перламутровых облаков собор Нотр-Дам чернел гигантским утесом. Блеснула Сена. Вдоль берегов ее, загроможденных ящиками и бочками, покачивались галеры. На мачтах сидели чайки. Поскрипывая, дилижанс въехал на Королевский мост, и перед взорами Баженова открылась мраморная колоннада Лувра.

Охваченный волнением, он громко повторил стихи Тредиаковского:

«Приятный брег! Любезная страна!

Где свой Невы поток стремится к пучине...»

Стихи были о Петербурге, случайно вспомнились: Петербурга Баженов не любил. Ничто здесь не говорило о нем. Дилижанс катился по набережной. У Тюильрийского сада цветочницы продавали фиалки. Гремели колеса карет, кричали разносчики. Это был Париж, такой, каким он увидел его впервые, когда приехал сюда учиться...

Давно это было.

Семь лет назад окончен Московский университет, товарищи разбредлись кто куда, а Баженова, по ходатайству Ломоносова, определили в Санктпетербургскую академию художеств. Началось главное: языки и счет. Языки он учил лютю, до зари. А ночь, весенняя ночь в Петербурге, коротка. В мае — июне вовсе нет ночей: светло, как днем. Странно это было после Москвы. До утра не мог он уснуть, все смотрел в окно на мерцающую белизну улиц. Как непохож Петербург на Москву! Как он рвался домой, в тишину бревенчатых переулочков! А Кремль! А гулкие колокольные звоны! Он не забыл их, когда, наплывая в синеве вечера, текли они, густые, как мед... Ах Москва, Москва!..

Он долго горевал, потом привык и даже стал находить приятность в прямых, словно разграфленных улицах столицы. Иностранное и русское до неузнаваемости перемешалось в Санкт-Петербурге. Без границ был он, и Невская перспектива упиралась вдруг в канаву или рощицу, где по ночам нападали разбойники.

И всюду вода — прозрачная, чуть зеленоватая, как петербургское небо.

Каждое утро, отправляясь в классы, Баженов проходил вдоль Невы. На противоположном берегу Растрелли воздвигал Зимний дворец. Была видна низкая, в этаж, кладка, на солнце камень розовел, с порывами ветра доносилось мелодичное перестукивание каменотесов.

Смутным, как уплывающий корабль, остался Петербург в его памяти.

Почтальон протрубил в рожок, и карста свернула во двор бюро дилижансов.

2

На другой день, захватив папку с рисунками, Баженов отправился к своему учителю.

Дружба их началась не сразу.

Когда Баженов, еще будучи студентом, в первые дни своего пребывания в Париже принес Шарлю де Вальи модель храма богини Весты, француз не поверил, что это сделано учеником:

— Мсье Базиль изволят шутить, — сказал он холодно.

Но, убедившись, что это не шутка, что все свободное время студент проводит над сооружениями из дерева античных моделей, архитектор стал приглядываться к ученику. После присуждения Баженову золотой медали Парижской академии де Вальи, настаивавший на этой награде, начал торопить ученика с отъездом в Рим.

Три года, проведенные Баженовым в Италии, не изменили его. Он остался тем же

восторженным юношей, каким был в мастерской Шарля де Вальи. Все утро Баженов просиживал за лекциями, а после уроков бродил по улицам Рима, зарисовывая памятники старины. Обветшалый портик в зелени винограда, шум мутного Тибра, пробегающего под горбатыми мостами, говорили ему об исчезнувшей жизни. Рисуя в тени черных, звонко шелестящих лавров, он видел синеву Альбанских гор. Когда заходило солнце, Рим с его бесчисленными церквами, рвущимися в небо колокольнями казался Баженову отлитым из одного куска расплавленной бронзы...

И вот он снова в Париже.

Дверь отпер сам де Вальи.

Француз был в голубом камзоле, без парика, тщательно выбритый, раздвоенный.

Обхватив Баженова за талию, архитектор ввел его в мастерскую, где были разбросаны в беспорядке полотна, гипсовые слепки, чертежи.

— Сюда, синьоре, сюда, — громко повторял Шарль де Вальи, увлекая Баженова к окну.

И, отдернув штору, показал головой:

— Итальянец! Открыватель земель!

Баженов протянул папку:

— Просмотрите. К сожалению, мэтр, я ничего не открыл. Даже самого себя.

Он говорил по-французски легко, чуть дрожанием от волнения голосом, на лице его, загоревшем и обветренном, проступил румянец. Он был красив, этот русский, с пышными, выщипанными по плечам волосами.

Улыбаясь, де Вальи разглядывал ученика.

— Ах, вот как, — сказал он и, взяв с кресла парик, надел себе на голову. — Но, мсье Базиль, все открытия в архитектуре уже сделаны, нам остается согласовать их в своей работе. Садитесь, — машинально закончил он, как на уроке, и, развернув папку, поднес к глазам лорнет.

Баженов сел на кончик кресла. В мастерской все было попрежнему и вместе с тем все выглядело иначе, будто расширилось светом окно, за которым, шелестя, поблескивала Сена. Тикали часы. Обгоняя удары маятника, гулко билось сердце Баженова. Сюда, в эту мастерскую, он впервые принес учителю свою модель храма богини Весты. Здесь, на ковре, они измеряли статую Венеры, привезенную из Геркуланума. На стенах, обитых штофом, висели в тяжелых рамках портреты царствующего короля Людовика XV и его фаворитки мадам Дюбарри, с мальчишеской прической и полуобнаженной грудью.

Внезапно, отбросив папку, француз встал и, скрипя туфлями, прошелся по мастерской. Лицо его было строго, подрисованные брови сдвинуты. Испуганный, Баженов приподнялся с кресла. Круто остановившись, Шарль де Вальи пристально, не мигая, смотрел в побледневшее лицо ученика, затем молча приблизился и поцеловал его в лоб.

— Мэтр, — смущенно пробормотал Баженов.

Он даже растерялся, видя всегда насмешливого француза растроганным.

Де Вальи сказал:

— Из нас двоих мэтр — вы, Баженофф! Ваш учитель склоняется перед своим учеником. Я только ремесленник, вам суждено создать бессмертные творения.

И, не дав Баженову возразить, он заключил:

— Я представляю вас королю.

3

Прием кончился.

По лестнице с золочеными перилами Баженов ввел в кабинет посланника. У зеркала он остановился, почистил рукавом воротник кафтана. Шитый галуном, он потускнел уже.

В этом кафтане Баженов выехал из Петербурга четыре года назад.

С тех пор многое переменялось на родине. Умерла веселая Елизавет, а вскоре и племянник ее, Петр Федорович. В итальянских газетах Баженов прочел о внезапной смерти Петра III и о восшествии на престол супруги его, Екатерины Алексеевны.

Погруженный в раздумье, Баженов не сразу заметил сидящего за бюро советника посольства.

— Чем могу служить?

Баженов объяснил. Срок его пачпорта, выданного для проживания в чужих краях, кончился в январе сего, 1765 года. В настоящее время он ходатайствует о выдаче ему нового вида для возвращения на родину.

— Должен присовокупить, что назначенного мне Академией пенсионера я не получаю уже три месяца.

Резкость тона, каким были произнесены последние слова, заставили советника настояться.

— Хорошо, — кивнул он, — я проверю, — и взялся за перо. — Ваше имя-отчество?

Баженов сел, откинувшись в кресле:

— Василий, сын Иванов.

— Годов от роду?

— Двадцать семь.

— Занятие?

— Архитектор. Санктпетербургской академии трех знатнейших художеств адъюнкт. Профессор Болонской, Римской, Флорентинской академий. Угодно будет осмотреть мои дипломы?

— Не нужно. Отвечайте: откуда родом?

— Села Дольского, Калужской губернии. Жительство имею в Москве.

— Звание?

— Церковного причетника сын.

Советник бросил перо, вынул табакерку, раздраженно постучал пальцем по крышке:

— Так чего ж ты, братец, хочешь?

Баженов всхлинул. Голос его стал резким, отрывистым:

— Я уже докладывал: желаю возвращения на родину. Не имея чести знать вашего чина, должен заметить, что титул адъюнкта Императорской академии дает мне ранг прапорщика, а следовательно, дворянское, сударь, звание, о чем прошу не забывать!

Советник встал, поправил на груди звезду. Поднялся с кресла Баженов. С минуту они пристально смотрели друг друга в глаза. Пальцы советника, перебиравшего бумаги, дрожали.

— Хорошо, — сказал он тихо, — я доложу о вас князю, а сейчас не взыщите, недосуг мне, — и тряхнул колокольчиком.

На пороге появился секретарь.

— Федор Васильевич, я уезжаю, займись с гос-по-дином профессором.

Собрав бумаги, советник вышел, а секретарь улыбаясь протянул Баженову руку.

— Счастлив познакомиться. Зовут меня Каржавин, Федор Васильевич.

— Как прикажете вас титуловать? — не то с насмешкой, не то с раздражением спросил Баженов.

Румяное лицо юноши расплылось в улыбку:

— А никак. В настоящее время я переводчик при посольстве, в прошлом сочинитель, художник, аптекарь, — Каржавин махнул рукой, — всего не перечтешь, а родом я из Москвы, сын торговца железом, что из звука фамилии явствует, обучался в Париже негодиям по желанию батюшки и под наблюдением дяди моего, сочинителя и вольнодумца. Однако негодии противны моей натуре...

В словах, в самом голосе Каржавина было что-то располагающее.

— Простите за любопытство, — улыбнулся Баженов, — сколько вам лет?

— Двадцать стукнуло. Но речь не обо мне, — с жаром продолжал Каржавин, — я рад, безгранично счастлив первым приветствовать вас на чужбине!

Баженов испытующе заглянул ему в глаза:

— Скажите: вы это... искренно?

— Нет, — рассмеялся Каржавин, — по поручению господина советника. Чудак вы! Да если б вы знали, как я ждал вас! Следил по газетам за вашими успехами и радовался, словно я, а не вы заслужили всю славу.

Оживленно беседуя, Каржавин рассказы-

вал новости. Растрелли закончил Зимний дворец. В Петербурге говорят: чудо хороши.

— Читал об этом, — кивнул Баженов.

— И о смерти Петра III читали?

«Испытывает», — подумал Баженов, а вслух сказал:

— Поелику известно мне, государь император умер от геморoidalной колики. Так было объявлено в манифесте.

Каржавин покачал головой:

— Да вы, я вижу, Василий Иванович, совсем иноземцем заделались. Убили его! Вишней проткнули горло! Федька Барятинский да Орлов Алексей Григорич. За оную услугу братья Орловы пожалованы императрицей графами Российской империи...

Каржавин вскопился, возбужденно прошелся по комнате.

— У нас всегда так, — глухо продолжал он, — подлецам чины, звезды, сотни крепостных душ, а честных людей в Сибирь шлют — соболей ловить. Так есть и так будет, доколе гражданство не вырвет из рук тиранов бразды самочинного правления. А сие будет! — оживился Каржавин. — О том у энциклопедистов промежду строк узрите... Да-с, сударь, — говорил Каржавин, расхаживая по комнате, — на смену волтеровым каламбурам идет век русских рассуждений. Читали вы его последнюю речь?

— Читал и много думал.

— А помните такое место: «...вы погибли, если забудете, что плоды принадлежат всем, а земля никому...»?

— Очень помню, — ответил Баженов вставая.

Каржавин положил ему руку на плечо.

— Василий Иванович, — сказал он тихо, — не ездите в Россию... Сгинете...

Баженов закусил губу: он чувствовал, что этот человек говорит искренно, от души.

— За доброту сердечно благодарен, верю вам, знаю, читал и слышал о многом из того, в чем вы изволили меня упреждать, а не могу, без родины не могу. Ласкаюсь послужить ей трудами.

Вздохнув, Каржавин ответил:

— Ваша правда, — и, подняв голову, улыбнулся: — Может, и я в скорости вернусь...

Сообщив, что деньги и паспорт ему доставят в гостиницу, Каржавин проводил гостя до дверей и откланялся.

4

Карета слегка покачивалась, дребезжали стекла.

Туман почти рассеялся, и за пригорком, отливавшим в ложбине синевои, блеснула золоченая ограда.

— Версаль, — строго сказал де Вальи.

Карета остановилась. Дверца скрипнула, и француз, вышедший первым, принял от Баженова папку с рисунками. Взяв папку и треуголку, Баженов последовал за учителем. Аллея платанов вела к решотке с гербами. За оградой расстился передний двор, заставленный каретами, берлинами, портшезами.

Был полдень. В небе шли легкие облака. Поправляя парик, Баженов стягивал с плеч пудру. Парадный костюм стеснял его. Атласный, скрипящий от малейшего движения кафтан был узок в талии.

Накануне, в поисках костюма, Баженов с де Вальи объездили десятки лавок Сен-Антуанского квартала. Платил за все учитель. Сейчас он стоял, натягивая перчатки, великолепный в своем гофрированном жабо и белоснежном парике.

Опираясь на трость, Шарль де Вальи шел с Баженовым по главной аллее. Дворец был позади. Мраморная лестница вела к фонтану Латоны. Каскад, бьющий вокруг богини, окутывал ее струящимися потоками. Они остановились у водоема. Брызги кропили лицо. Баженов молча, сосредоточенно рассматривал дворец.

Со стороны парка Версаль выступал ровным прямоугольником, украшенным барельефами, статуями, вазонами. Верхний этаж блеснул позолотой.

Де Вальи вынул часы.

— У нас еще есть время, — сказал он, — спустимся в партер.

От Латоны расходились две дорожки: летняя и осенняя. Направо грохотала аллея фонтанов, налево была видна оранжерея.

Они пошли прямо.

По обеим сторонам расстился партер.

В рамке его зелени серебрились два искусственных озера. Формой своей они напоминали зеркала. По гладкой, чуть рябющей поверхности плавали лебеди. Скривив шею, словно прислушиваясь к голосам, птицы резко поворачивались, ускользали к другому берегу.

— Чудесно! — сказал Баженов.

Не отрываясь, он смотрел на дворец, казавшийся отсюда узкой полоской золота. Линия фасада, расчлененная двоянными колоннами, боскеты и фонтаны, статуи среди газонов — все, что на огромном пространстве было создано различными мастерами, поражаало завершенностью замысла.

Нигде в Италии парки не раскрывали перед Баженовым такой перспективы. Римские сады, выходящие по холмам, прятали здание, здесь все пространство служило единому центру — дворцу. Подняв голову, Баженов увидел пролетевшую над собой ласточку и улыбнулся.

Де Вальи удивленно посмотрел на него.

— Не кажется ли вам, — сказал Баженов, — что даже эта птица предусмотрена планировщиком?

— Вы правы, — ответил де Вальи, — лично я предпочитаю английский парк регулярному.

Подумав, он добавил:

— А сам дворец слишком перегружен статуями. Вы не находите?

Баженов молчал.

— О чем вы мечтаете? — спросил де Вальи.

— Ни о чем. Разве можно желать большего, глядя на этот дворец? Архитектор, вычертивший линию фасада, сгруппировавший квадраты флигелей, которые так легки, что их можно поставить на ладонь, не был мечтателем, он был великим художником, гением, божеством...

Бледный стоял он, закусив губы, почти с испугом глядя на расстилавшийся перед ним парк, на нежные краски неба и строевой, слившихся в непостижимой гармонии совершенства.

— И все-таки вы неправы, мой друг, — улыбаясь сказал де Вальи, — в мире достаточно места для мечты...

Баженов ничего не ответил. Де Вальи положил ему руку на плечо:

— Вернемся.

Молча они подходили к Латоне.

Дворца не было видно: холм скрывал его. Поднимаясь по боковой лестнице, Баженов увидел перед собой внезапно возникший дворец и остановился пораженный.

Пользуясь случаем заговорить, де Вальи с жаром принялся за объяснения:

— В этом эффекте — секрет планировки Версаля. Вспомните, когда мы шли с вами от дворца, фонтана не было заметно, он закрыт лестницей. Латона вырастает перед вами, когда вы приближаетесь вплотную. Внизу, — продолжал де Вальи, — статуи и фонтаны огромны, это античный мир, застывший в придворных позах, но если вы посмотрите на статуи сверху, то это не что иное, как пятна, указывающие членение партера.

Баженов перегнулся через балюстраду. Клумбы и радиус аллеи, только что удивлявшие его своей шириной, казались отсюда сдвинувшимися, как на шахматной доске.

Де Вальи говорил:

— Дворец и парк в полной зависимости от человека и перемещаются по мере движения короля...

Баженов провел рукой по волосам.

— Ибо центр Версаля — король, — закончил де Вальи.

С минуту Баженов стоял неподвижно, словно прислушиваясь к не ясным еще мыслям, возникавшим в ответ на слова учителя. Ему казалось, что теперь он все видит иначе чем раньше, в каком-то призрачном, отраженном свете. Солнце скрылось, и на партер легли тени. Свет, пробивавшийся сквозь облако, падал на землю, как дождь, косым, спелым снопом ржи. «Вы погибли, если забудете, что плоды принадлежат всем, а земля никому...» — эти слова он прочел давно, но только теперь их смысл достиг его сознания.

Баженов повернулся, медленно пошел за учителем.

Из журнала Баженова

Париж. Июня, осьмого дня.

Как условлено было, король принял нас при выходе. Его величество Лудовик пятнадцатый, христианнейший король Франции и Наварры, изрядного роста, тучен, у него жирная шея, круглые, навывкате, глаза. Разговаривая, он тяжело дышал.

На нем был лилового шолка кафтан, серый, в мелких кольцах парик, через грудь голубая лента ордена святого духа. В приемной мы были втроем. Господин де Вальи представил меня королю.

Окончив с осмотром, его величество изволил произнести: «Я оставляю вас архитектором дворца», — и протянул мне папку.

Что сделалось со мною, трудно передать. Подталкиваемый учителем, я опустился на одно колено, как требует здешний этикет.

«Сир, — вымолвил я, путая от волнения французские слова, — я бесконечно тронут вашим вниманьем и огорчен тем, что недостойн его».

Король приподнял брови.

«Вы отказываетесь?» — удивленно спросил он и, не дожидаясь ответа, грузно пошел к дверям.

Мой бедный учитель стоял как громом пораженный. Это меня развеселило, и я оправился совершенно. Всю дорогу, сидя в карете, увозившей нас в Париж, де Вальи повторял, качая головой:

«И вы отказались? Непостижимо! Ведь вы так любите Париж, Францию...»

Что я мог сказать?

Да, это верно, я люблю Францию, привык к ней, но родину, Москву, я люблю больше всего на свете.

5

Уже темнело, а он, не зажигая огня, оцупью взбирался вверх. Привратница сунула ему в руки свечу, когда Баженов, осмотрев Нотр-Дам, решил подняться на галерею. Винтовую лестницу окутывал полумрак. Свистел ветер в башенных окнах. Но, погруженный в свои мысли, Баженов не замечал ни темноты, ни холода. Не впервые ему было лазать на колокольни. Медленно взбираясь вверх, он думал об этом, о матери, о детстве, проведенном в Москве.

Внезапно Баженов остановился. Над головой блеснуло небо. Дымчатое, оно плавилось на закате. Ветер стих. Стрижи резали воздух. Сняв шляпу, Баженов подошел к ограде.

Под ним, в сине-вечера, лежал Париж.

Было что-то волнующее в той высоте, с которой он рассматривал город. Голубая лента Сены разделяла его надвое. При свете догорающего дня Баженов ясно различал городские башни, прямоугольник Лувра. Чуть поблескивали черепичные кровли.

Баженов облокотился на балюстраду.

Путешествие окончено. Через месяц он у себя, на родине. Наступает пора осуществления замыслов, о которых он думал, бродя в одиночестве по улицам Рима.

Широки поля Италии, бесконечны ее дороги.

С палкой в руке он шел по каменистым тропинкам, припадал к родникам и, сидя под вечер у пастушьего костра, следил, как один за другим катятся дилижансы. Много карет пропустил он за эти годы. Они мчались к желтым водам Арно, где и сейчас еще бродит тень Данте, где некогда в простом, солдатском плаще разгуливал в свите Цезаря бронзоволицый Витрувий, великий зодчий древности.

Сумерки ступились. Ничего уже нельзя было разглядеть: ни зубчатых стен Бастилии, ни Лувра.

Только колоннада его белела в полутьме.

Внизу замелькали огоньки. Баженову они напомнили вечера на колокольне Ивана Великого. Тоской разлуки ждалось сердце художника. Стиснув перила, он жадно вглядывался в исчезающий Париж. «Запечатлеть этот город навеки, донести, не расплескав, сокровищницу искусств и творить там, у себя, в Москве...»

Он видел множество городов: мраморный Рим, Болонью с ее улицами в аркадах, вокруг расстился необозримый Париж, но Москву он нес в себе, она была частицей его души, его сердцем. «Москва», — повторил он в раздумье и улыбнулся.

1940 г.

ГЕНИЙ И ТРУД

Когда он появлялся на эстраде, костлявый, изогнутый, вдохновенный, с изможденным лицом, преобразенным огненным блеском глаз, когда слушатели видели его огромные руки, движущиеся с быстротой молнии по инструменту, который словно повисал в воздухе, — во всем его облике чудилось нечто дьявольское. Сверхъестественной казалась игра Паганини, его невиданное искусство извлекать из скрипки звуки, взятые у самой природы. В музыке его, по словам современников, «то слышалось пение птиц, то где-то играла свирель, то несся бурный поток в двойных нотах, подавляя собой оркестр».

С его именем связаны сотни легенд. Ему приписывали связь с неведомыми силами, обладание каким-то таинственным, чудесным «секретом». Утверждали, что этот великий виртуоз никогда не упражняется, а играет только благодаря врученной ему тайне. Газеты сообщали, что искусству играть на одной струне Паганини обязан длительному тюремному заключению, к которому будто бы он был приговорен за убийство возлюбленной. В тюрьме, утверждали репортеры, на его скрипке порвались три струны, и он вынужден был удовлетвориться одной.

Но он никого не убивал. Он не знал никаких заклинаний. Его «секрет» заключался в мощной силе огромного дарования и в изнурительном, напряженном труде, которым был насыщен каждый день его сурового детства и нелегкой юности.

Расчетливый отец Паганини рано понял, что талант мальчика может стать источником крупных доходов. Хрупкий, болезненный ребенок был прикован к скрипке, как каторжник к тачке. Как бы ни был слаб Никколо, он должен был играть.

И все-таки он не возненавидел свою «тачку». Как ни чудовищна была система обучения, гений Паганини преодолел ее. Дьявольский труд подорвал здоровье, но не убил страстной любви к музыке. И не этой ли тяжелой муштре обязан Паганини нечеловеческой своей техникой, приводившей в изумление современников?

Первым наставником маленького Никколо был Коста — лучший скрипач Генуи. Позднее юноша обучался музыке и контрапункту у Паера и Жиретти. Однако уже через несколько лет Паганини ощутил себя созревшим для самостоятельного пути. Великий реформатор скрипичной игры, открывший перед скрипачами неведомые дотоле возможности, он больше не нуждался в учителях.

Скрипка, которая в руках его предшественников только пела, оказалась у него вместительным неслыханным звуковым богатством. Поток двойных нот, дедим, флажолет, широкое использование приемов пиччатто левой рукой потрясали слушателей. Они бук-

вально не верили своим ушам. «Я слышу, но не верю», — говорил один из современников Паганини.

Но в хор восторженных похвал врывались и враждебные голоса. Находились скептики, утверждавшие, что прелесть игры Па-

ганини на других музыкантов было огромно. Услышав его игру, Лист поставил задачей своей жизни достичь такой же технической высоты на фортепьяно.

И до сей поры произведения Паганини являются неиссяка-

Никколо Паганини.

Рисунок художника Г. Ингер

ганини заключается в применении «дешовых внешних эффектов». Этой «эффектности» противопоставляли скромность и глубину игры мастеров старой школы: Корелли, Вивальди, Тартини. Техника Паганини ослепляла, за ней не видели внутренних достоинств его музыки: эмоциональности, глубины, мощи его огненного темперамента.

Виртуоз-исполнитель и композитор, Паганини предпочитал играть вещи своего сочинения. Только его композиции открывали простор для применения собственных ему приемов. Замечательные его этюды произвели неизгладимое впечатление на Листа и Шумана, переложивших их

мим источником транскрипций и переложений. Известны переложения Шимановского, Рахманинова, Крейсера.

Клевета и слава шли по пятам Паганини. Зал венского театра, где он концертничал в 1828 году, ломился от публики несмотря на дороговизну билетов. Бешеный успех ожидал великого скрипача в Париже и Лондоне, в Праге и Варшаве. Паганини думал и о поездке в Россию, но этому помешало расстроенное здоровье.

Необычайный талант Паганини возбуждал всюду завистников, которые не пренебрегали никакими средствами, чтобы каким бы то ни было путем помешать его сла-

ве. Клеветнические слухи поддерживались католическим духовенством, которое вело борьбу с Паганини и всячески преследовало его за передовую, атеистический образ мышления.

Газеты придумывали небывлицы. О Паганини говорили с ужасом. Однако, как бы враждебно ни была настроена публика, этот чародей покорял ее. «Его слушатели охвачены каким-то сумасшествием», — писал Людвиг Берне. — «...собственная жизнь прекращается, как только начинаются эти звуки». «Парижское обозрение» называло Паганини «творцом и изобретателем, открывателем новых миров». Наиболее точно, быть может, определил характер его дарования один из современных ему критиков, сказав: «Полет вдохновенной фантазии сочетается у Паганини с тончайшим знанием музыкального расчета и обладанием всеми техническими секретами инструмента».

Этот обладатель «тайны», будто бы избавлявшей его от упорного труда, буквально сгорел, подорванный чудовищными затратами нервной энергии. Недавно музыкальная общественность отмечала сто лет со дня смерти Паганини. Он умер от горловой чахотки в Ницце 27 мая 1840 года. Перед смертью Паганини отверг выполнение религиозных обрядов, и церковь отказала непокорному в погребении. Только после долгих хлопот сыну Паганини — Ахиллу — разрешили похоронить тело отца.

Паганини являл собой удивительный комплекс, чудесное сочетание таланта, темперамента и поразительного умения использовать свои психо-физические качества. Его искусство — плод труда и гения, интуиции и точного расчета. Знание своего мышечного аппарата и умение приспособляться к нему, свойственные Паганини, могут служить примером для каждого скрипача-виртуоза.

Время показало великие достоинства музыки Паганини, не заслоняемой теперь обаянием его игры. Скажу по собственному опыту, что вкус к его произведениям растет вместе с ростом зрелости и мастерства. Его этюды настолько гармонически свежи, что кажутся только что написанными. Глубокие по мысли и чувству, разнообразные в музыкальном отношении, они открывают неисчислимые возможности для применения качеств скрипача. Думается, что если бы Паганини не создал ничего, кроме этих этюдов, он вошел бы в историю музыки только благодаря им.

Музыка Паганини — настоящая книга каждого скрипача.

Произведения великого итальянца способствовали росту таких прекрасных исполнителей его музыки, как Лиза Гилельси, Буся Гольдштейн, Цыганов и др. Паганини обогатил этих молодых виртуозов технически и эмоционально.

Музыка Паганини отличается поразительной силой воздействия, она «доходит» до любой аудитории. Вот почему, строя программу концерта, исполнители стремятся поместить произведения Паганини в самом конце, когда хочется довести публику до высшей степени подъема. Музыка Паганини, полная страсти, находит горячий отклик в сердцах советских слушателей.

ИЗОБИЛИЕ И КУЛЬТУРА

Фотоочерк В. Гребнева

Лучшие колхозы и передовые колхозники Полтавской области демонстрируют на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1940 года свои достижения. Богата хлебом, овощами, птицей, конями, яблоками, мятой, подсолнечником урожайная колхозная Полтавщина.

В селе Парасковеевке, Полтавского района, где собирав партизанские отряды маршал Советского Союза, Герой Советского Союза Г. И. Кулик, раскинулись плодородные сады колхоза имени Папанинцев. В 1939 году колхоз получил 900 тысяч рублей дохода. Одни только сады принесли более 100 тысяч рублей прибыли. За выдающиеся успехи в садоводстве колхоз удостоен участия на Выставке. Вместе с зажиточностью пришла и культура: в колхозе неполная средняя школа, детский сад, клуб, в котором оборудуется звуковое кино, хата-лаборатория, библиотека. Ежедневно выходит стенная газета «Папанинец».

На снимке внизу: редактор стенной газеты И. К. Токарь (сидит) и члены редколлегии О. Н. Запека (слева) и Т. Г. Пискун готовят очередной номер.

Теплицы колхоза приносят немалые урожаи овощей. На снимке: бригадир колхоза А. Г. Билык собирает огурцы, выращенные в теплице.

Звеньевая колхоза имени Ленина, Зеньковского района, М. П. Петруненко добилась замечательного урожая конопли. Петруненко, участница Выставки в 1939 и 1940 годах, награждена Большой серебряной медалью ВСХВ.

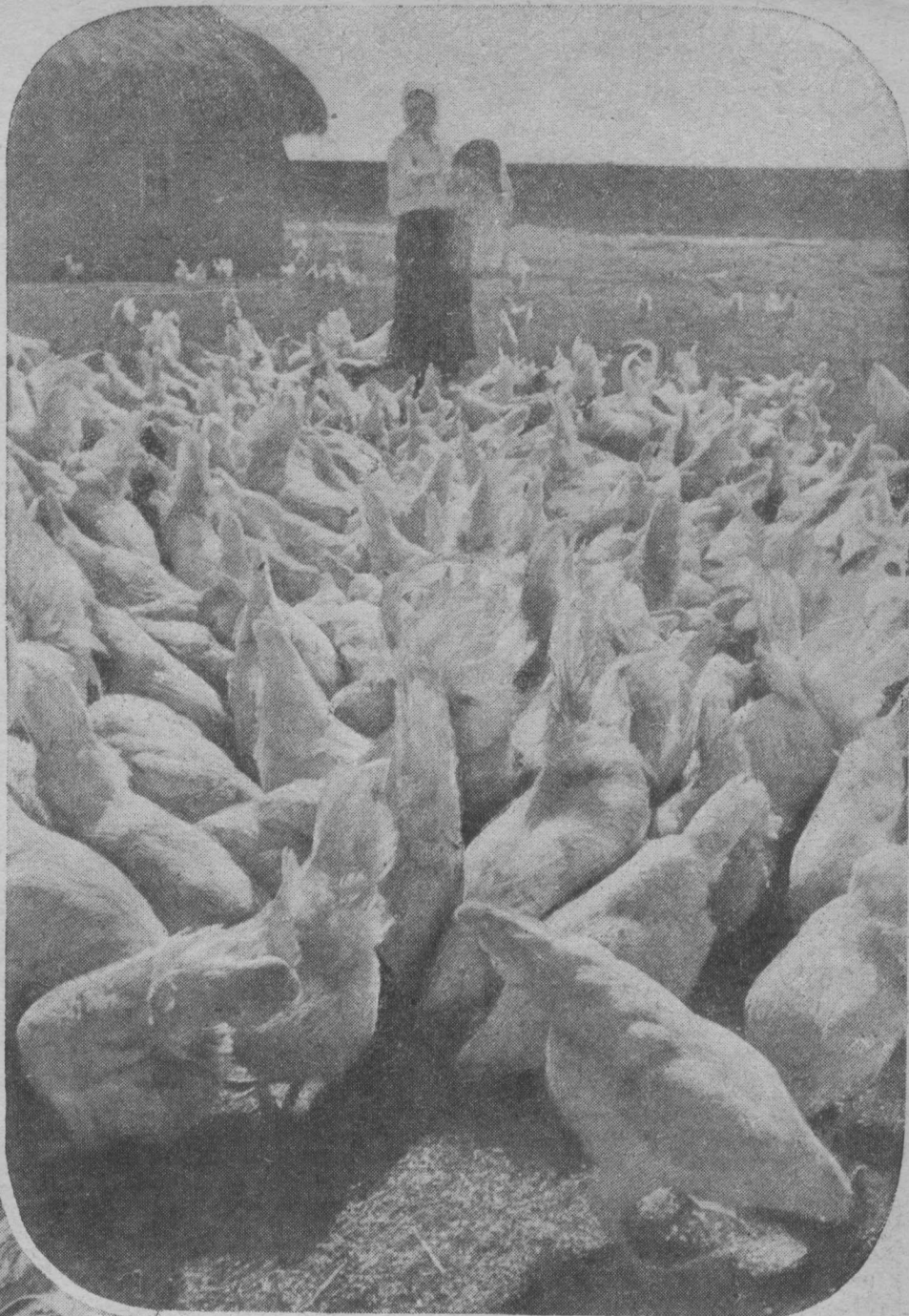

Богатые урожаи мяты демонстрирует на Выставке колхоз имени Горького, Золотоношского района. На снимке: участницы Выставки звеньевые колхоза (справа налево) М. П. Тамык, награжденная медалью «За трудовую доблесть», Е. Я. Авраменко, М. С. Николенко и Е. М. Шмотко.

За высокие урожаи подсолнечника и зерновых культур колхоз имени Хрущева, Ново-Санжарского района, удостоен участия на Выставке 1940 года. Но не только подсолнечником и зерном славится колхоз имени Хрущева: на птицеферме колхоза 450 кур породы «леггорн» и около тысячи цыплят. На снимке: птичница Г. Терещенко на птицеферме.

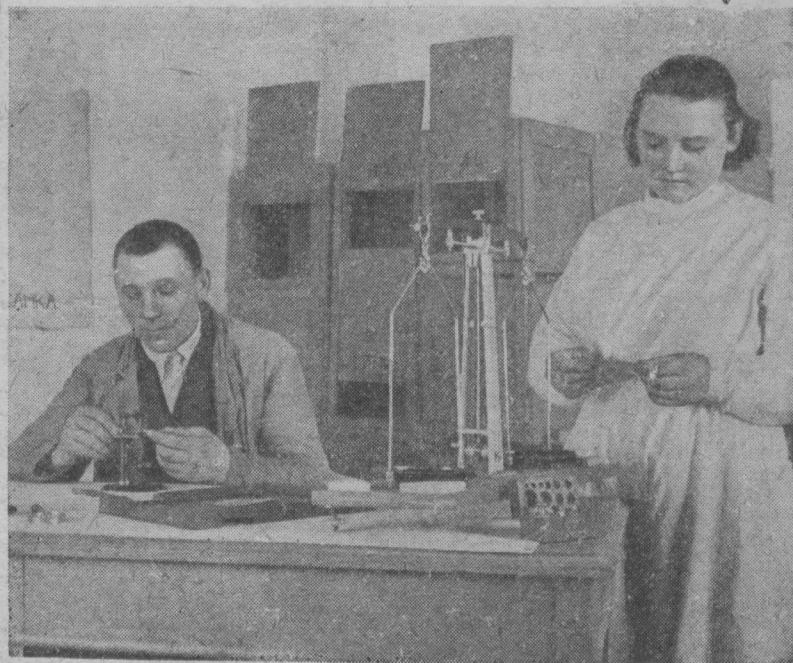

За блестящие показатели по искусственному осеменению лошадей техник И. Ф. Супрун (колхоз «Ленинские лани», Ирклиевского района) утвержден участником Выставки 1940 года. На снимке: техник И. Ф. Супрун вышел из своего дома и направляется в колхозную библиотеку.

Колхоз «Згода», Ново-Санжарского района, в 1939 году собрал по 24 центнера ржи с гектара. На снимке: участница ВСХВ звеньевая Т. И. Зозуля со снопом ржи, отправленным в Павильон Украинской ССР.

Хата-лаборатория колхоза «Червоний шлях», Карловского района, известна далеко за пределами Полтавской области. За плодотворную борьбу с вредителями сельского хозяйства с помощью трихограммы хата-лаборатория участвует на Выставке 1940 года. На снимке: заведующий хатой-лабораторией И. М. Репетилло (слева) и его помощник М. И. Дзюбич — участники ВСХВ.

Александр Васильевич Суворов.

К. Осипов

ПОБЕДОНОСНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Сто сорок лет прошло со дня смерти великого русского полководца Александра Васильевича Суворова, но до самого последнего времени его военный гений не находил себе должной оценки. Иностранные авторитеты отделялись неопределенными фразами о «крупном, но неотшлифованном даровании» и т. п., умышленно забывая, что Суворов был всегда скован мертвящей опекой завистливых, бездарных рутинеров и командовал бесправными людьми, в которых крепостнический режим стремился заглушить все гражданские чувства; что в момент боевых столкновений Суворов всегда (за исключением трех случаев) был гораздо слабее неприятеля в численном отношении и, сражаясь в этих условиях с лучшими армиями того времени, дал сорок сражений, не проиграв ни одного, почти все закончив ошеломляющим разгромом противника.

Не «счастье» было причиной необыкновенных побед Суворова, а блестящее, совершенно самобытное искусство полководца. Он заложил основы новой стратегии, далеко опередив в этом отношении свою эпоху и предвосхитив почти все методы, которые вскоре после него с таким успехом использовал Наполеон. Суворов опрокинул «кордонную систему», подорвал непреложность тесно связанной с этой системой линейной тактики, стал приме-

нять в бою глубокое построение, ввел резерв, — словом, провозгласил новые стратегические принципы, новые формы ведения боя и операций.

Но главные достоинства Суворова заключались в его поразительных дарованиях тактика, руководителя боя: бесконечное разнообразие тактических приемов; способность моментально ориентироваться в обстановке, найти слабое место противника и установить решающий пункт позиции; умение учесть психологические особенности неприятельской армии и ее начальников; быстрота и твердость в решениях; железное упорство в проведении намеченного плана и вместе с тем гибкость в осуществлении его... И, быть может, самое замечательное и самое типичное для Суворова — удивительное умение воодушевлять солдат, вселять в них беспредельное мужество, вселять в каждого из них жажду подвигов.

Суворов, бросавшийся впереди всех в штыковую атаку, служил для солдат живым примером того, какие огромные возможности таятся в человеке, если он напряженно хочет чего-либо, не боится трудностей и неуклонно стремится к намеченной цели.

Русские солдаты доказали, что они способны к восприятию этих прекрасных принципов своего полководца. Походы Суворова — это поэма о человеческой воле и

стойкости, где не знаешь, чему больше удивляться: гению полководца или боевой доблести солдат.

Для того чтобы дать наглядное представление о военных методах Суворова, опишем битву при Рымнике — одно из тех сражений, память о которых навсегда сохранится в военной истории человечества.

В этой битве стотысячная армия турок, известная своим бесстрашием, была наголову разбита семью тысячами русских солдат. Эта горсточка, подкрепленная семнадцатью тысячами австрийцев, которые были использованы только в качестве заслона, вынесла главную тяжесть боя, осуществила всю маневренную часть его и, последовательно разгромив фланг и центр неприятельских сил, подавила их способность к сопротивлению.

Во второй половине XVIII века Россия вела две большие войны с Турцией. Владельцы фабрик нуждались в рынках сбыта и в торговых путях и настаивали на захвате областей, примыкавших к Черному морю. Турецкое правительство, в свою очередь лелеявшее захватнические планы, отнюдь не склонно было к территориальным уступкам. Первая война между обоими государствами окончилась в 1774 году отторжением от Турции Крыма и присоединением к России ряда городов на Черноморском побережье. Этот мир не удовлетворил ни одну из сторон. Турция жаждала реванша. Интриги Пруссии и Англии еще более раскаляли атмосферу. Осенью 1787 года турецкое правительство объявило России войну.

Союзницей России в этой войне являлась Австрия. Пользуясь тем, что русская армия оказалась плохо подготовленной и ее главнокомандующий Потемкин придерживался по преимуществу пассивной тактики, турки задумали грандиозное предприятие. Искусной диверсией они привлекли главные русские силы к Измаилу, где те оказались прочно прикованными, и решили напасть на семнадцатитысячный австрийский корпус принца Кобургского, чтобы, разбив его, выйти во фланг и тыл русской армии. С этой целью великий визирь, дважды разгромивший в предыдущем году австрийцев, сосредоточил у местечка Рымник огромные силы (свыше ста тысяч человек).

Австрийский командующий, принц Кобургский, обратился за помощью к русским. Одним из корпусов молдавской армии командовал тогда Суворов.

Хотя главное русское командование не разобралось в замыслах турок и довело до минимума молдавскую армию, но Суворов, даже не обладая достаточной информацией, догадывался о том, что турки готовят удар в Молдавию. Поэтому он был все время наготове.

Получив сообщение Кобурга, что турецкие войска подошли вплотную к австрийским позициям, Суворов немедленно, глубокой ночью выступил в поход.

Из имевшихся у него десяти тысяч человек он выделил три тысячи, чтобы обеспечить себя со стороны Прута и Бырлата, а с остальными семью тысячами выступил.

Идя по размытой дороге, под проливным дождем, вынужденный наводиться в пути сорванный разбушевавшейся рекой мост, он проделал в течение двух суток около ста верст и утром 21 сентября примкнул к левому крылу австрийцев.

Кобург тотчас явился для обсуждения плана действий. Не слушая составленной австрийцами диспозиции, Суворов развил свой проект. Кобург колебался: русских и австрийцев вместе было двадцать четыре тысячи, то есть в четыре раза меньше чем турок. Но Суворов ставил вопрос ультимативно, пригрозив, что в случае отказа он пойдет в атаку лишь со своим семитысячным корпусом. Он указал, что при крупном неравенстве сил только быстрая атака обещает успех, что многочисленность турок будет способствовать их беспорядку, и, «наконец», сказал Суворов, — турок все же не столько, чтобы заслонить нам солнце». Австрийский полководец подчинился более сильной воле и отдал себя в распоряжение Суворова.

Позиции турок, прикрытые с фронта и флангов рекою, оврагами и лесами, были очень удобны для обороны. Не доверяя стойкости австрийцев, Суворов решил возложить всю тяжесть задачи на русские полки. Он задумал атаковать сперва один из флангов противника, где было сосредоточено всего двенадцать тысяч турок, и одновременным медленным наступлением австрийцев сковать неприятельский центр. Разгромив турецкий фланг, он решил, переменяя фронт, сомкнуться с австрийцами для совместной атаки главной турецкой позиции. Этот маневр — перемена фронта в виду противника — был очень рискован, но Суворов верил в себя, в своих солдат. Характерно, что, не желая смущать Кобурга, он не посвящал его полностью в свои намерения, сообщив только первую половину плана.

Турки, не предполагая активных замыслов противника, не позаботились выставить охрану. Около четырнадцати верст русские войска прошли, не встретив ни одного турецкого пикета. По пути пришлось перейти вброд реку Рымну.

Русские войска двигались четырьмя линиями, имея на флангах донских казаков. Сам Суворов находился в первой линии, при среднем карре.

Идти приходилось полем, заросшим бурьяном и кукурузой. У самых турецких ложементов натолкнулись на глубокий овраг. Это чуть не повело к катастрофе: произошло замешательство. В этот момент турки открыли бешеную стрельбу, а из-за леса вынеслись нестройные толпы их конницы.

Суворов немедленно велел первым рядам спуститься в овраг и, перебравшись через него, атаковать батареи. Остальные части, с помощью обогнувшей овраг кавалерии, вступили в бой с конницей. Встретив твердый отпор русских частей, турецкая конница рассеялась.

Не теряя ни минуты, Суворов направил свой отряд влево, повернув таким образом фронт почти под прямым углом.

Полдневный жар истомил бойцов. По безмолвному соглашению, битва на короткий срок приостановилась.

Изучая лежащую перед ним местность, Суворов заметил, что подступы к Крынгумейлорскому

лесту обстреливались сильной турецкой артиллерией, расположенной в деревне Боксе. Он принял решение овладеть этой деревней и тотчас двинул туда свой отряд.

Сражение возобновилось с новой силой. Великий визи́рь ввел свежие части, и сорокатысячная масса конницы обрушилась на австрийцев. Те мужественно оборонялись, однако с каждой минутой слабели. Видя, что Суворов отдалается, принц Кобургский слав к нему одного курьера за другим, прося поддержки.

Но Суворов знал, что, заняв Боксе, он окажет более действительную помощь австрийцам, чем сотрудничая с ними в отражении фронтальной атаки. Когда деревня Боксе была взята, Суворов быстро прошел небольшую рощу и вышел во фланг главным турецким силам, почти опрокинутым уже австрийцев. Попав под перекрестный огонь, турки отхлынули к Крынгумейлорскому лесу.

Предпринятый Суворовым сложный маневр должен был увенчаться прямым штурмом основных неприятельских позиций, и притом немедленным штурмом, пока турки не успели еще занять оборонительных позиций. Суворов молниеносно принял решение атаковать турецкие окопы кавалерией.

По его распоряжению, оправившиеся австрийские войска составили одну общую, несколько вогнутую линию с русским корпусом. Карре первой линии были раздвинуты, и в интервалах помещены конные части; оставшая часть кавалерии была размещена на флангах.

Под сильнейшим огнем турок атакующие приблизились в таком порядке на триста-четыреста саженей к ретраншементу, и в этот момент из интервалов всей линии вынеслась кавалерия и полным карьером помчалась на неприятеля. Мгновенно всадники пересекли обстреливаемое пространство, перескочили через ров и бруствер и врубались в плотные ряды янычар. Пораженные такой невиданной атакой, защитники траншей растерялись. Это позволило атакующей пехоте почти беспрепятственно добежать до места схватки.

Началась жестокая рукопашная сеча. Суворов присутствовал в самых опасных местах боя. Прорвавшиеся в турецкий тыл казаки и австрийские уланы увеличили смятение потрясенного противника. Ряды турок дрогнули; еще момент — и они, бросая оружие, устремились в бегство. Напрасно останавливал их великий визи́рь, напрасно приказывал стрелять по беглецам из пушек. Паника была так велика, что не было даже попытки защищать прекрасно устроенные окопы, прикрывавшие переправу через реку. Единственный мост был запружен повозками. Турки бросились вплавь, но массами тонули в холодных, вздувшихся водах Рымны.

Стотысячная армия великого визи́ря перестала существовать как боевая сила. (Сам он вышел в отставку и вскоре умер.) На поле битвы легло около пятнадцати тысяч турок. Победителям достались сто знамен, восемьдесят орудий и огромная, разнообразная добыча.

Австрийцы признавали, что вся честь победы принадлежит русским. Один австриец писал: «Почти невероятно то, что о русских рассказывают: они стоят, как

стена, и все должно пасть перед ними».

Рымникское сражение — один из величайших подвигов Суворова. А русские солдаты, чьими руками была завоевана победа, этой битвой доказали, что при умелом руководстве они вправе называться лучшими в мире солдатами.

Чествуя память А. В. Суворова, уместно поставить вопрос: каковы были исторические предпосылки для появления в екатерининской России этого замечательного полководца?

Для ответа на этот вопрос нужно вспомнить историческую обстановку в середине XVIII века. В западноевропейских государствах происходил тогда процесс разложения феодального строя. Феодальные отношения вытеснялись быстро развивавшимися буржуазными отношениями. Россия же была еще мало затронута этим процессом. Русская дворянская империя, в которую незадолго перед тем была влита житейственная струя петровских реформ, находилась в расцвете могущества.

Военная мощь России была, бесспорно, больше чем мощь соседних с нею государств. Частые войны способствовали накоплению в русской армии крупного военного опыта. В среде дворянского офицерства формировались кадры способных военачальников. Но главную роль в войне играли солдаты.

Рекрутская повинность была тяжким бременем, но она была все же лучше чем насильственная вербовка, применявшаяся в Пруссии и в ряде других стран.

Насильственно набранную прусскую армию нельзя было воспитывать в духе патриотизма. Там требовалась только «смирительная рубашка», как выразился Энгельс; только так можно было преодолеть свойственные подобной армии центробежные тенденции. Иначе обстояло дело в России. В угнетенном крепостном крестьянстве был глубоко заложен подлинный патриотизм, бесхитростный, но искренний и сильный. Русский народ веками отстаивал

свою родину против внешних врагов. Татары в XIV веке, поляки в XVII веке, французы в XIX веке испытали на себе стихийную мощь патриотизма русских народных масс.

Суворов, будучи субъективно глубоко искренним и честным патриотом, обладая магическим влиянием на солдат, увлекаая их своим военным талантом, найдя доступ к их лучшим человеческим чувствам, сумел разжечь тлеющую в солдатах искру патриотизма, превратить ее в яркое пламя и закалить в этом огне необычайные боевые качества своей армии.

Сто сорок лет отделяют нас от того дня, когда с предсмертным криком на устах: «Сражение... Вперед...» — навсегда смежил свои очи Суворов. Его лучшие военные традиции восприняты и развиты в новых исторических условиях, на иной классовой базе армией социалистического государства.

Армия советского народа восприняла и развила на новой классовой базе лучшие военные традиции Суворова. Героические действия Красной Армии в период 1918—1920 годов, в борьбе с японской военщиной и с белофиннами являются прекрасной иллюстрацией к основному суворовскому тезису о первенствующем значении морального элемента. Военное искусство полководцев пролетариата также представляет собою во многом дальнейшее развитие — на основе марксистского мышления — военных идей, провозглашенных Суворовым. Смелое новаторство, развившееся, например, в штурме Кронштадта в 1921 году, вопреки доктринерским суждениям «военных специалистов», или в гениальном замысле атаковать Первой Конной армией укрепившуюся в окопах пехоту белополяков в 1920 году; отсутствие боязни риска, нашедшее себе яркое выражение в известном приказе Сталина сосредоточить всю артиллерию в решающем пункте, обнажив другие участки, результатом чего явилось поражение белоказачьих частей под Царицыном; быстрота и энергия удара, результатом чего явилось ов-

ладение неприступной линии. Маннергейма, — все эти факты и множество им подобных свидетельствуют о том, что военное творчество полководцев пролетариата корнями своими связано с принципами суворовской стратегии, представляя собою их дальнейшее углубление и развитие.

Военное искусство советского народа не безродно: оно имеет гениальных предков. Но в созвездии имен великих полководцев звезда Суворова горит особым, ей одной присущим блеском.

В чем состоит особенность суворовского гения? Прежде всего в том, что он с предельной силой показал всепобеждающую мощь человеческого духа. Чем ближе знакомимся с его деятельностью, тем больше поражает его безграничной стойкости, мужеству, умению напрячь все силы и не ослаблять напряжения до окончательной победы. Трудно найти полководца, которому довелось бы действовать в столь неблагоприятных условиях, как Суворову. Никогда не мог он вести войну по своему разумению, всегда находился в подчинении у неспособных, завидовавших ему людей, почти всегда его войска были малочисленны по сравнению с неприятельскими. Даже его собственная натура как бы шла против него: он был слаб, болезнен, организм его вовсе не был приспособлен к тем лишениям, которые выпали на его долю.

И при всем том очень трудно отыскать среди исторических персонажей образец такого несокрушимого упорства и бодрости. У Наполеона неоднократно случались припадки малодушия, Фридрих II после Кунерсдорфа впал в отчаяние, Ганнибал, изверившись в успехе, отравился. Но Суворов в самых тяжких, казалось, безнадежных, положениях ни разу не поддавался унынию и не позволял унынию овладеть его войсками.

«Нет препятствий, которых не мог бы преодолеть человек» — вот гордый вывод, вытекающий из полувековой эпопеи суворовской борьбы, всегда тяжелой и всегда победоносной.

И в этом не только военное, но всечеловеческое значение необычайных деяний Суворова.

Битва при Рымнике. С современной гравюры Иоганна-Мартина Вилля.

Долговременная огневая точка (ДОТ) на «линии Маннергейма», разрушенная огнем нашей артиллерии.

Фото П. Трошкина

В. Ешури

КАК СНИМАЛАСЬ «ЛИНИЯ МАННЕРГЕЙМА»

(Из записной книжки кинооператора)

«Линия Маннергейма» — документальный фильм. Снимался он прямо на фронте. Операторы Союзкинохроники вместе с бойцами перешли границу; операторы были на военных кораблях и засняли высадку десанта; операторы летали на боевых самолетах над войсками противника и снимали врага сверху; под пулеметным огнем противника операторы подползали с саперами к ДОТам¹ и снимали, как эти ДОТы взлетают на воздух.

Почти два часа идет картина, на экране каждую секунду появляется что-то новое, событие следует за событием, и ничто не повторяется.

Одного только не увидит зритель на протяжении всей картины: это операторов, которые ее снимали.

Предлагаю вниманию читателей «Огонька» несколько записей из моего фронтового блокнота.

Полуторатонка Союзкинохроники приведена в боевую готовность. За рулем сидит шофер, комсомолец Макаренко, готовый в любую минуту тронуться вместе с войсками. Но когда наши войска пошли в наступление, мне сразу стало ясно, что если я поеду на своей машине, то снимать мне придется только следы войск, а не сражения. Взял я пятьсот метров пленки, договорился с Макаренко, что он меня будет догонять, а сам, обгоняя двигавшиеся к фронту части, побежал краем дороги туда, где я был больше всего нужен.

Проволочные заграждения белофиннов прорваны. Первый

противник, которого встретила Красная Армия, — это лес и мины. Не принимая боя, белофинны прячутся в густых лесах и отсюда по-бандитски охотятся за

меня красноармейца. Зажимая рукой рану, умирающий боец говорил:

— Как обидно умирать без боя, умирать от мины... Если бы уж умирать, так в открытом бою...

...Сегодня я впервые снимал большой бой. Вместе с комиссаром дивизии и комбригом Вещевым мы ехали на передовые позиции. У местечка Помпола, на перекрестке двух дорог, над нами засвистели пули. Комбриг крикнул:

— Выбрасывайтесь из машины...

Лежу в снегу. Комбриг быстро освоился с обстановкой. Приказав комиссару ползти вправо и поднимать в атаку бойцов, сам, пригибаясь, побежал влево. Я снял его удаляющуюся фигуру...

Комиссар короткими бросками бежит к цепи. Видя боевого комиссара, бойцы поднимаются и идут на сближение с врагом. Я торопливо снимаю перебегающих бойцов. Мелькают стальные каски, лезвия штыков. По сторонам шлепаются пули и, шипя, зарываются в снег.

— Ешури, иди назад! — говорит комиссар. — Не твое дело — лезть в самое пекло.

Но что значит «иди назад»? Здесь фронт всюду. Следую за комиссаром. Тщательно вглядываюсь в даль в надежде обнаружить противника и заснять его. Враг хитер. Он как будто сросся с землей. Неожиданно около двух сосен, словно из-под земли, выросли два белофинна. Появление их было так неожиданно, что я растерялся. Поздно заметил их и комиссар. Казалось, что вот

сейчас белофинны пустят в нас очередь из ручных пулеметов. И пустили бы, если бы из-под земли так же неожиданно не появился красноармеец в белом халате. Ловко бросив гранату, смельчак исчез. Красноармеец спас нас от верной гибели. А мы так и не узнали фамилии смельчака, находчивого бойца.

В этом бою мы взяли в плен двух офицеров. Нужно было срочно доставить их в штаб. Я как раз собирался туда ехать, чтобы перезарядить пленку, и сказал командованию, что могу захватить пленных. Наш караван из восьми грузовиков тронулся по снежной дороге.

Едем наощупь. Фары у машин не горят. Вокруг глубокая тишина. Вдруг офицеры начали кричать: видимо, надеялись, что их услышат свои. Предлагаем им замолчать — не слушаются. Пришлось пригрозить им оружием — только тогда они замолчали.

Снимать выстрелы нашей тяжелой артиллерии очень трудно. Она так грохочет, что земля сотрясается, а огромные сосны качаются как стебли камыша. Еще труднее снимать стремительно мчащиеся под огнем противника танки.

...Вчера я видел, как бойцы 123-й ордена Ленина дивизии прорывали «линию Маннергейма».

После артиллерийской подготовки в бой пошли танки. К каждому танку сзади был приделан стальной щит. На этот щит ложились пять-шесть саперов в белых халатах. В руках у них взрывчатые вещества. Однажды мне удалось вместе с бойцами пробраться к ДОТам. Я заснял, как наши бесстрашные саперы, соскользнув со щита и плотно прижимаясь к снегу, волокли за собой ящики со взрывчатыми веществами. Они подобрались к ДОТу и благополучно вернулись назад. Потом раздался такой

Кинооператоры Ешури (слева) и Коган на фронте.

Фото И. Озерского

нашими бойцами. Красноармейцы натываются на разбросанные по дорогам, тщательно замаскированные мины. Взорвавшаяся мина ранила шедшего впереди

¹ Долговременные огневые точки.

взрыв, словно на том месте, где они поставили мины, произошло извержение вулкана.

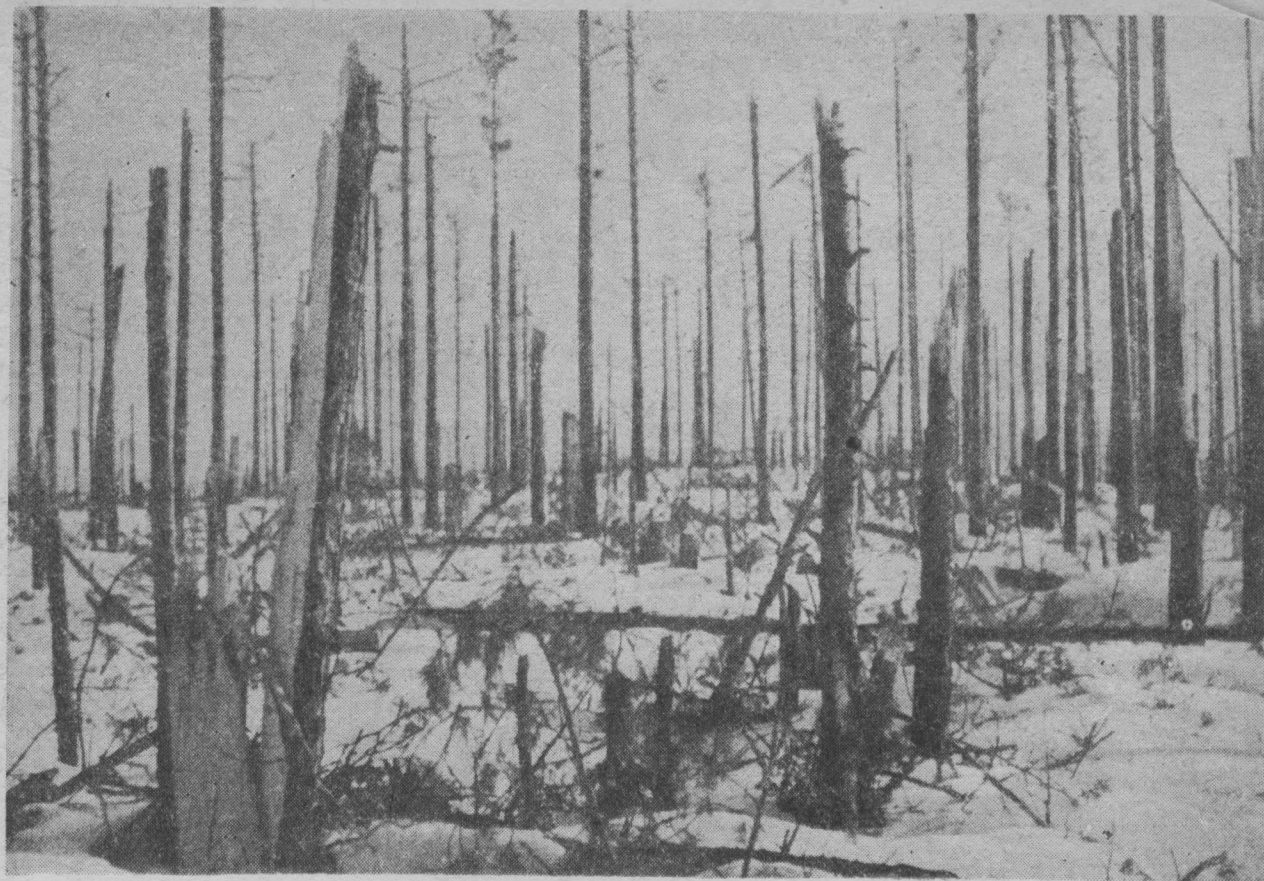
Вхожу в захваченный нашими бойцами ДОТ. Просторное помещение. Вдоль стен стоят койки, есть водопровод, электричество. Видно, что белофинны не собирались отсюда так скоро уходить. В углу стоит пианино, валяются бутылки из-под вина. Здесь жили офицеры. В щель для пулемета проникает полоска света. Один боец просунул в эту щель лыжу. Только кончик ее выглянул с той стороны. Вот какова толщина стены ДОТ'а.

Разгромив «линию Маннергейма», бойцы рвутся дальше. Раздаются возгласы:

— На Выборг! Добить врага!

На пути вторая линия укреплений. Дороги завалены сотнями деревьев. Но саперы попрежнему прекрасно работают. Они идут впереди и расчищают дорогу.

На лесном аэродроме механики подвешивают к самолетам бомбы. Бегут к своим «ястребкам» летчики-истребители. Увязая по пояс в снегу, упорно идет вперед пехота. Каждый боец в белом халате. Врага не видно, только снаряды, разрывающиеся на снегу, да суровые лица бойцов говорят зрителю о том, что это передовая линия фронта и противник находится в нескольких сотнях метров. Я подполз к валу, поднял осторожно голову, только хотел нажать кнопку аппарата, как над головой просвистела пуля. Лег. Осмотрелся. Опять чуточку поднялся, опять свист. Отполз от валуна, нашел новое

Кадр из фильма «Линия Маннергейма». Лес после бомбардировки.

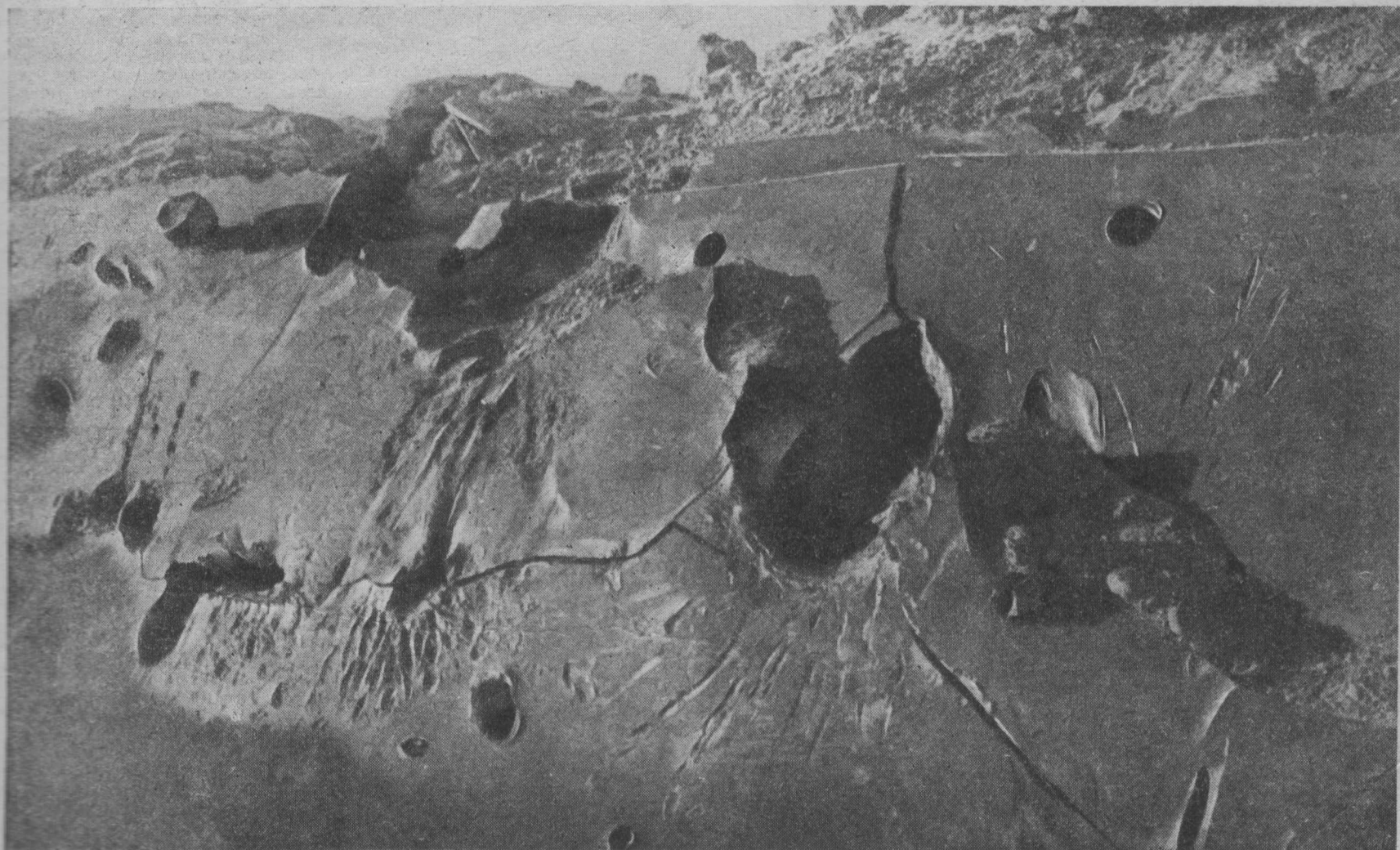
место. Здесь как будто не так опасно. Осмелев, встаю на колени и снимаю подожженный белофиннами Выборг.

Возвращаясь с фронта, мы бережно везли драгоценную плен-

ку, на которой нам выпала честь запечатлеть бессмертные подвиги доблестной Красной Армии... Бойцы жали нам руки, желали счастливого пути.

Сейчас «Линия Маннергейма»

идет на сотнях экранов Союза. Работа операторов, снимавших ее, получила высокую оценку. Радостно сознавать, что плод твоих трудов заставляет взволнованно биться сердца миллионов советских патриотов.

Стальная плита с амбразурами. На снимке видны трещины от наших артиллерийских снарядов.

Фото П. Трошкина

Ярослав Смеляков Волшебная палочка

Мы печатаем отрывок из новой поэмы Ярослава Смелякова «Волшебная палочка». Действие первой части поэмы, из которой взят отрывок, происходит в дореволюционные годы. Попов зарабатывает на жизнь, выступая на провинциальных сценах в качестве фокусника. Попав на север, фокусник нагло обманывает простодушных северян и убеждает их, что с помощью его «волшебных палочек» любой человек может творить чудеса. Он переезжает из селения в селение, всякий раз продавая жителям эти «волшебные палочки». Можно представить горечь разочарования многих наивных людей, ставших жертвой шантажиста! Действие заключительной главы поэмы происходит после Октябрьской революции, в наши дни, когда осуществляются самые несбыточные мечты, самые необыкновенные чудеса, когда каждый строитель коммунистического общества, овладевая наукой и техникой, как бы становится истинным обладателем сказочной «волшебной палочки».

I

На лодке
вдоль северных суровых берегов
в расшитой ландышем
большой косоворотке,
скукая, ехал фокусник Попов.
На сотни верст
в своей одежде красной,
уйдя корнями в толщину земли,
деревья севера
могуче и бесстрастно
в лесном молчаньи
медленно росли.
У берегов стояли валуны.
Шли облака,
колючих крон касаясь.
А по реке,
томительно качаясь,
плыл на плечах светящейся волны
серебряный
холодный
шар луны,
в пустынном небе смутно отражаясь.

2

Что фокуснику — небо!
Будто бог,
он развалился на смолистом днище,
в дырявый зуб,
прищипывая,
свищет
тот милый марш, который только мог
быть сочинен безвестным музыкантом
в другой стране, в иные времена.
Что фокуснику значит тишина,
когда он слышал зрителей молчанье,
когда он шел, прославлен и силен,
взволнован женщин сдавленным дыханьем,
польщен мужчин критическим вниманьем,
толпою любопытных окружен!
Что звезд ему холодное мерцанье,
когда он сам за жизнь свою не раз
был освещаем фонарей сияньем
и светом, льющимся из детских глаз!
Играли марш —
и в одеянье белом
он выходил, медлительный, худой,

з святой чалме, украшенной умело
тяжелой бенгальскою звездой.
Прожектора гудели в тишине,
и, опровергнув книги и науки,
красавица на сцене, как во сне,
летела ввысь, заламывая руки.
И глухо ахал побежденный зал,
когда,
согласно тихому велению,
как легкий вздох, как дивное мгновенье,
вдруг
человек со сцены исчезал.
Лишь он стоял, торжественный, без слов.
А голуби из длинных рукавов,
шумя, летели,
медленно кружились
и, оборвав полёт над головой,
над сказочной индийскою чалмой,
на плечи повелителя садились.

3

Успех непрочен.
Славы свет мгноволен.
Недолго длится сладкий интерес.
И вскоре фокусник в чаду сомнений
узнал, что на земле,
как, впрочем, и на сцене,
не может быть пленительных чудес.
Те зрители, что прежде в самом деле
во время представления бледнели,
теперь на тех же обжитых местах

Иллюстрации худ. М. Гетманского.

зевают нагло, морщатся отвратно
и — никаких иллюзий! — безвозвратно,
как молодость, скрываются в дверях.
Те мальчишки, что так еще недавно
его считали фокусником главным,
вбегают в зал, пылая и грозя,
гнилыми яйцами в него бросают,
его афиши бритвами кромсают,
свистят на перекрестках.

А друзья?

Летающая женщина сказала,
что вся любовь давным-давно прошла,
что он подлец,
что он ей платит мало,
трельяж разбила, палочку сломала
и к тенору в любовницы ушла.

А голуби, поворковав умно:

«Мол, дескать, что там, право, в самом
деле», —

теряя пух, в разбитое окно
от нищеты и горя улетели.

4

Пейзажи севера однообразны.
Но много я готов сейчас отдать,
чтоб мне опять случилось в жизни праздню
среди цветов, кривых и безобразных,
на берегу Синети отдыхать.
Полутона темнеющего неба
и берегов таинственный покой
повторены, как зеркалом волшебным,
журчащею вечернею рекой.
Как я любил часами без движения
глядеть в спокойную темнеющую гладь,
вдруг сразу разучившись отраженье
от собственного тела отличать.
Здесь он и едет, падший бог обмана,
с утра хмелен, который день не брэг.
На дне обшарпанного чемодана
его мечта разбитая лежит,
еще чалма, измятая в скитаньях,
коробка пудры, баночка белил
да трубка Англии, что в час прощанья,
в ночь пьяных слез, в минуту расставанья,
ему в пивной шталмейстер подарил.
За поворотом сумрак станет мраком.
Скорее бы хоть курная изба.
— Скажи на милость, всё-таки, однако,
куда меня, отметив страшным знаком,
проклятая забросила судьба!

ДЕРЗАНИЕ

Фото А. Тулеса

Федор Маркович Карпов.

Отец Федора Марковича Карпова служил на железной дороге путевым обходчиком. В день по несколько раз, перед каждым поездом, он тщательно обходил свой участок, внимательно присматриваясь к своему несложному и утомительно однообразному хозяйству. Шагая по густо просмоленным шпалам, давно сочитанным и пересчитанным, обходчик всегда думал об одном: все ли звенья этой длинной цепи остались такими же, какими он видел их несколько часов назад, смогут ли они так же стойко выдержать огромную тяжесть приближающегося поезда?

Долголетний опыт научил его относиться с недоверием к безупречной твердости стальных полос. Старый обходчик знал много случаев, когда поезд терпел крушение на ровном месте, и это происходило там, где несколько часов назад лежал свежий, совсем не изношенный рельс. Сопряжение оставалось в полном порядке, шпалы мирно покоились, а рельс разрывался в целом месте и сбрасывал с себя бешено мчавшийся поезд.

Трещина... Маленький, незаметный, скрытый от самого внимательного взгляда изъян внутри стальной полосы под ударами огромной тяжести расширялся и приводил к катастрофе.

Вот почему старый обходчик так внимательно осматривал каждый рельс, стучал молотком по его головке и прислушивался к ответному звуку. Приглушенный отзвук заставлял настораживаться. Обходчик становился на колени и заглядывал под головку, отыскивая причины ненормального отзвука, посыпал рельсы песком и, постукивая, наблюдал, удерживаются ли песчинки на головке. Иногда он находил едва заметную трещину и спешил предупредить об этом ближайшую станцию, но чаще всего, провозившись с таким подозрительным звеном и не найдя явных дефектов, полууспокоенный, продолжал обход.

— Что-то есть, а не видеть, — мрачно говорил он. — Эх, кабы внутрь заглянуть!

* * *

С тех пор прошло много лет. Сын путевого обходчика Федор побывал в пастухах, затем прошел длительный путь тяжелого ученичества у мастера одного из петербургских заводов и, получив квалификацию электромеханика, потянулся на транспорт, в родную стихию.

Страсть к изобретениям, выдумкам у него появилась давно. В детстве он придумал велосипед, ходивший по воде.

До революции, уже взрослым, работая в железнодорожных мастерских электромехаником, он сделал телеграфный аппарат оригинальной конструкции, но его отвергли; смастерил штамп, удешевляющий изготовление изоляционных крючьев. За это начальник телеграфа получил медаль, а ему даже спасибо не сказали.

После гражданской войны Федор Маркович поступил помощником машиниста в Омское паровозное депо. Во время ночных поездок ему часто приходилось выслушивать досадное ворчание машиниста на дьявольскую тему. Жалкий свет керосинового фонаря рассеивался тут же за стеклом и имел чисто условное значение. Впереди лежала непроглядная тьма, скрывавшая даже самое очертание рельсового пути. Поезд мчался куда-то в неизвестность.

«Так долго работать нельзя, — думал Федор Маркович, — надо что-то сделать для освещения паровоза, иначе скоро голову сломаешь».

Знание электротехники, хотя и в ограниченных пределах, толкнуло его на мысль установить под котлом паровоза небольшую динамомашину с приводом от ведущей оси. Он рассказал об этом машинистам. Получил одобрение.

Начались дни кропотливой работы, бессонные ночи. Не встретив поддержки у начальства, Федор Маркович должен был мастерить свое изобретение в кустарных условиях. В дорожном бюро по изобретательству (доризул) издевались: «Куда, мол, тебе решать такую задачу, если она оказалась не по плечу нашим инженерам? Брось лучше эту затею».

Но Карпов продолжал упорно бороться за свет.

...Паровоз стоял под парами, готовый тронуться в путь. Прове-

рив последний раз проводку, Карпов быстро вбежал по лестнице и занял свое место у левого окна. Рядом с ним расположился представитель из доризула, посланный проверить эффективность изобретения. Прозвучал сигнал отправления, качнулся зеленый огонек семафора, и поезд, набирая скорость, плавно отошел от станции.

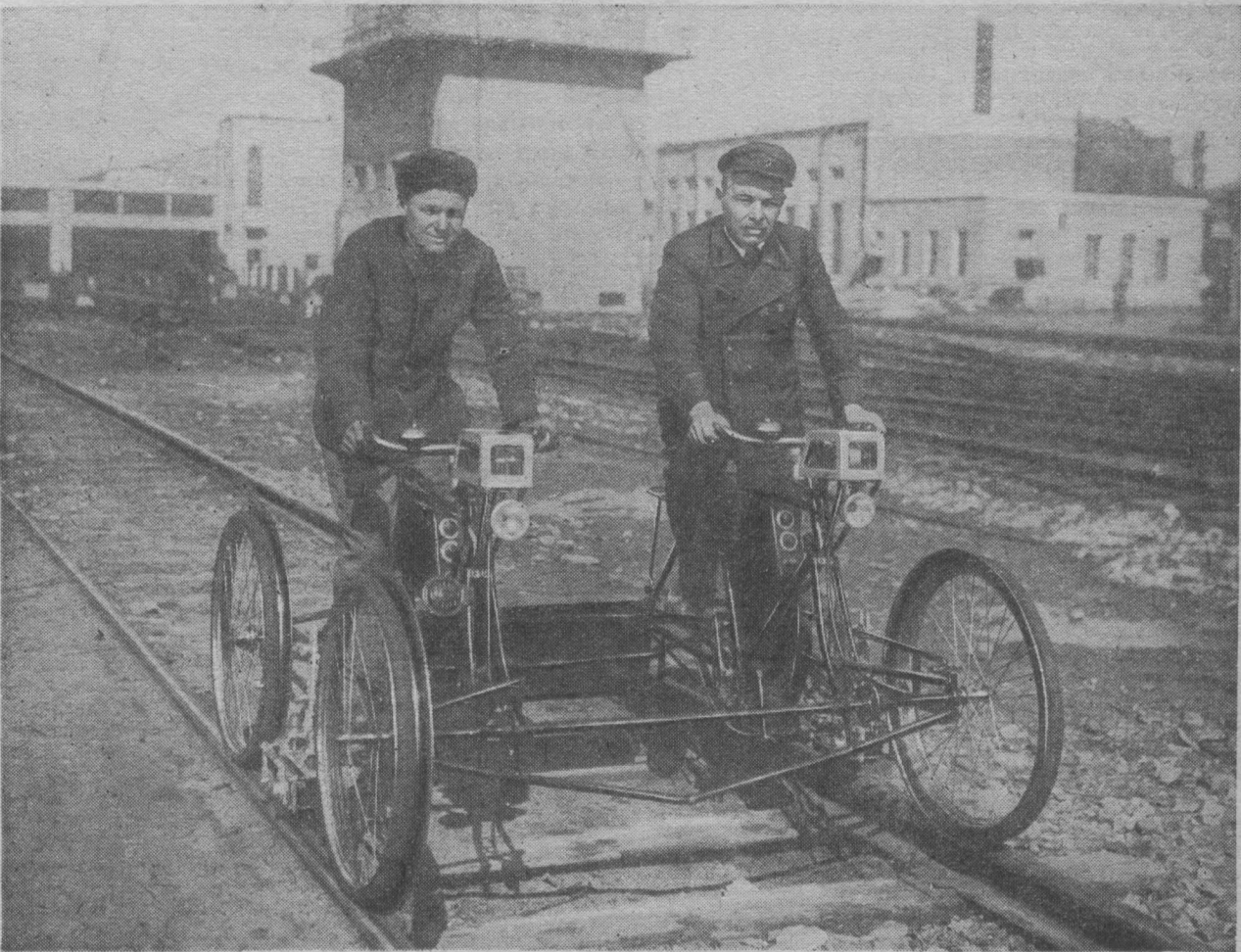
Уверенной рукой Карпов соединил контакты.

Три мощных снопа света прорезали ночную мглу. На сотни метров заблестели бегущие навстречу рельсы.

Это было в тысяча девятьсот двадцать шестом году.

Прошло два года. Омские машинисты, отправляясь в ночной рейс, больше не сетовали на дьявольскую тему: дорога на сотни метров заливалась могучим светом карповских прожекторов. Из Омска изобретение Карпова перешло на другие дороги и скоро получило всеобщее признание. Неистовый изобретатель одержал первую крупную победу.

Но еще оставалась неразрешенной задача, с детства овладевшая мозгом пытливого сына путевого обходчика: как проникнуть взглядом внутрь металла, как определить его внутреннюю болезнь, скрытую от человеческого глаза толстым слоем здоровой ткани? Многочисленные, но беспорядочно поставленные опыты не давали желаемых результатов. Помог случай.

Ф. М. Карпов объезжает пути на велосипеде-дефектоскопе.

снова взялся за пилу. Результат получился тот же.

Попробовал проделать ту же операцию с верхним стержнем. Получилось иначе: опилки располагались ровно и беспорядочно. Необыкновенное возбуждение охватило его. Бешено заработала мысль. Одно предположение мгновенно сменялось другим.

— Что за оказия, почему? — взволнованно твердил Карпов.

Разобрал регулятор, зажал нижний стержень в тиски, начал его строгать, потом ударил молотком — стержень сломался. Трешина! Откуда-то издалека нахлынули воспоминания... Отец, путевой обходчик, ползавший на коленях в поисках трещины в рельсах.

И вот разгадка тайны металла, столько раз ускользавшая из рук неумолимого изобретателя, кажется, найдена. Карпов схватил первый попавшийся под руку кусок металла и повторил с ним опыт. Если опилки располагались неравномерно и елочкой, он ломал стержень и находил в нем трещину. Пробовал ломать стержни, не дающие такого закономерного расположения опилок, — изъянов не было.

— Нашел! — в радостном возбуждении воскликнул Карпов.

Двое суток, не замечая ни дня, ни ночи, мастерил Федор Маркович приспособление для намагничивания стальной оси. Теперь он сможет предупредить железнодорожные катастрофы, он добьется, чтобы ни один вагон не был отправлен в путь, пока его спираль-соленоид не прощупает ось каждого колеса и не поставит своего диагноза: «Здорова!»

Вскоре начались производственные испытания. На шейку оси надели катушку соленоида, — пропустили через нее ток, а намагниченную шейку облили металлической пылью, размешанной в масле. Поведение пыли на шейке указывало на дефекты металла, особенно если эти дефекты находились на поверхности. Однако местные руководители не решились признать показание прибора справедливым и высказывали сомнение, чтобы этот нехитрый инструмент мог определить наличие трещины внутри металла.

И все же некоторые оси, забракованные Карповым, заменили, а проверенные отметили крестиками.

За признанием Карпов поехал в Москву. Через несколько дней он случался в дверь кабинета начальника Научно-исследовательского института Наркомпути.

— Знаете, что, — сквозь зубы процедил начальник Института, — бросьте вы вашу затею. Не мешайте нам работать, все равно у вас ничего не выйдет.

С невеселыми мыслями поехал Федор Маркович домой. А дома ожидали еще большие неприятности.

Прямо с поезда он отправился в депо.

— Искатель трещин вернулся, — сказал кто-то, и Карпов уловил в голосе насмешку. — Ну, как там в Москве? Небось, очень обрадовались...

Федор Маркович умолчал о холодном приеме в Москве, сказал, что идею одобрили и предложили доработать.

Однако его слова не произвели ожидаемого впечатления. Он почувствовал какую-то насторожен-

ность к себе и даже явное недружелюбие.

— Вот что, браток, — сказал мастер, — подвел ты нас со своей штуковиной. Шейка-то под тендером полетела к чертям, а ты на ней пробу поставил, сказал: «Здорова!»

Карпова словно что-то ожгло.

— Какая шейка? Где? — растерянно спрашивал он.

— Шейка под тендером. Под откосом валяется на семьдесят девятом километре.

Через несколько дней поломалась и вторая ось, проверенная соленоидом. Карпов внимательно

тересованные в провале изобретения Карпова, заговорили о вредительстве.

Карпов все же не сдавался. Внимательно вчитываясь в составляемые на местах поломок акты, он заметил, что излому шейки всегда предшествовало горение буксы.

Поехал в маршрут сам, обнаружил, что на проверенных им шейках осей буксы греются быстрее, чего не происходит с непроверенными им шейками.

На опыте он постиг еще один закон магнетизма, незнание которого привело к стольким не-

свившие себе гнездо в Наркомпути, решили во что бы то ни стало похоронить детище талантливого изобретателя. Открытую с таким трудом дефектоскопную лабораторию прикрыли под чудовищным предлогом — нерентабельности дефектоскопа Карпова.

Назначили комиссию, и комиссия постановила дефектоскоп Карпова сдать в архив, а для нужд транспорта купить такой прибор за границей, в Америке или Японии. Комиссия умолчала, что японские дефектоскопы проверяют рельсы с ничтожно малой скоростью (три с половиной — пять километров в час), показывая их неясны и стоят они свыше двадцати пяти тысяч иен; что американские дефектоскопы чрезвычайно громоздки и стоят свыше трехсот тысяч рублей и что, наконец, прибор Карпова прост, надежен, обладает большой скоростью и изобретатель отдает его стране даром.

Тяжелые дни наступили для Федора Марковича. Его окружила стена злобных врагов. И он решил написать Сталину...

Ответ пришел скоро. Изобретателя пригласил к себе Лазарь Моисеевич Каганович. Карпов получил большое, ответственное задание — проверить рельсы в метро. Это было признание...

До тридцати тысяч километров рельсов обследовали дефектоскопные станции системы Карпова. Они указали пятьдесят тысяч рельсов, имеющих брак. Из них семнадцать тысяч были заменены, как явно угрожавшие безопасности движения.

Накануне Восемнадцатого съезда ВКП(б) Карпов был снова приглашен к Лазарю Моисеевичу. В кабинете наркома собрались изобретатели. Оживленно беседуя, товарищ Каганович расспрашивал изобретателей об их творческих замыслах и, обращаясь к Карпову, спросил:

— А что если создать дефектоскоп-велосипед, которым могли бы пользоваться путевые обходчики?

Карпов радостно ухватился за эту замечательную идею. Вместе с группой изобретателей и конструкторов он горячо принялся за дело.

Через три месяца, блестяще выдержав все испытания, дефектоскоп-велосипед был пущен в серийное производство. Долголетний путь исканий привел к блестящей победе.

* * *

Дефектоскоп Карпова, получив прочное признание на транспорте, проник во все отрасли металлической и машиностроительной промышленности.

Заслуги этого выдающегося самородка высоко оценили партия и правительство. Три ордена: орден Ленина, Красной звезды и «Знак почета» — украшают грудь неумолимого изобретателя.

Преодолев все трудности, сокрушив воздвигаемые врагами преграды, Карпов полон сил и творческих замыслов.

— В нашей стране, — говорит он, — как в хорошей земле, ни одно ценное зерно не может пропасть. Особенно теперь, когда бурьян повыдерган. Поэтому я хотел бы сказать нашей молодежи: дерзайте, творите и не сдавайтесь, если вам встретятся на пути трудности, смело и решительно отстаивайте свои творческие замыслы, ибо всякая идея, направленная на укрепление нашей страны, воистину велика.

Юрий Капралов

ПИАНИСТ

Эмилио Гилельсу

Он, фалды раскинув, садится и ждет,
Пока опоздавших терзает простуда.
Но кашель и говор стихают — и вот
Молчанье взрывают аккорды прелюды.
И крови биенье и чувства твои
Звучат, словно звуки вливаются в вены.
Сегодня ты прав не имеешь: живи
Послушный тому, кто диктует со сцены.
Уж огненным стало лицо у него,
И космы волос над глазами нависли.
Неистовство страсти и рук торжество —
Здесь звук обретает величие мысли...
А музыка льется, и пальцы бегут.
Все сбили, все смяли, заполнили звуки.
И страшно: сейчас захлестнут,
захлестнут!..

Но падают с клавиш застывшие руки.
Гнетет тишина, словно смерти приход.
Лицо пианиста суровой и старше.
Как светлая память о друге, плывет
Щемящий напев похоронного марша.
Куда же ты падаешь сердце мое?
Тебе ли уйти от заветного плена?
Над свежей могилой ветер пост
В последних аккордах сонаты Шопена.
Мы отдали другу всю нежность свою.
Я музыкой этой сижу покоренный,
Я слушаю дважды и дважды ловлю
Роялем и сердцем мотив повторенный.

осмотрел излом. Он был совершенно свежий, никаких следов старой трещины не было.

Неужели соленоид его обманывает?

Он снова начал повторять свои опыты с катушкой, испытывая все, что попадалось под руку, начиная от гвоздей и стальных иголок и кончая рельсами и паровозными осями. Результаты получались блестящие. Но одновременно приходили сообщения о новых поломках осей, проверенных и опробованных соленоидом. Заколдованный круг. Как вырваться из него?

Карпов понимал какую-то недоработанность в своем изобретении, он видел, что чего-то не хватает, а чего именно, не мог угадать.

Не хватало технических знаний.

Над изобретателем нависла серьезная опасность. Люди, заин-

приятностям. Намагничивая шейку при опробовании, он не учитывал, что в таких случаях в теле всегда остается так называемый остаточный магнетизм. Намагниченная шейка интенсивно притягивала металлическую пыль, загрязняя ее и букса горела. Нагревание ослабляло шейку и вело к излому.

Разгадка найдена. Надо после проверки соленоидом размагнитить ось, отнять у нее остаточный магнетизм. Теперь прибор работал безотказно, требовалось только его усовершенствовать. Изобретателю помогли в одной лаборатории. Портативный прибор был оснащен сигнальными лампочками, стрелками, показателями и вскоре, поставленный на автоматическую, мчался по рельсам, на ходу указывая изъяны.

Но борьба еще не была окончена. Вредители, одно время

Сцена из 4-го действия. Справа налево: Ирина — заслуженная артистка РСФСР А. О. Степанова, Андрей — народный артист РСФСР В. Я. Станицын и Ферапонт — заслуженный деятель искусств Н. А. Подгорный.

К. Томашевский

«ТРИ СЕСТРЫ»

Фото А. Горнштейна

...Белые с прочерью стволы берез, стройные клены, желтизна листопада. Только вверху, в кронах деревьев, другие тона: нежнолиловая проголь сучьев да багрец не опавших еще листьев.

Где-то вдали замирают, чуть доносятся звуки походного марша.

«...Они уходят от нас, — говорит Маша. — Один ушел совсем, совсем, навсегда...»

Шемящая боль утрат как бы ищет и ждет ответного участия, дружеского слова сестер. Они обнялись, склонившись друг к другу, и Ольга отвечает Маше:

«Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь...»

Как сдержанно и правдиво проявление этих человеческих, жизненных чувств там на сцене... С каким сочувствием, волнением, душевным приветом внимает им зрительный зал!

Прекрасно, незабываемо и совсем не по-прежнему воплотил МХАТ им. А. М. Горького эту, казалось, неповторимую для себя драму Чехова. И когда на вызовы единого в своем порыве зрительного зала вышел Вл. И. Немирович-Данченко и с ним вместе новые его «три сестры»: Еланская, Тарасова и Степанова, — какой это был прекрасный символ преемственности, бережной сохранности и дальнейшего развития лучших идей и достижений театра!

«Три сестры» — знаменательная в истории Художественного театра пьеса.

Впервые она была поставлена 31 января 1901 года. «Успех пьесы был довольно не-

Сцена из 4-го действия. Маша — народная артистка СССР А. К. Тарасова, Вершинина — заслуженный артист РСФСР М. П. Болдуман.

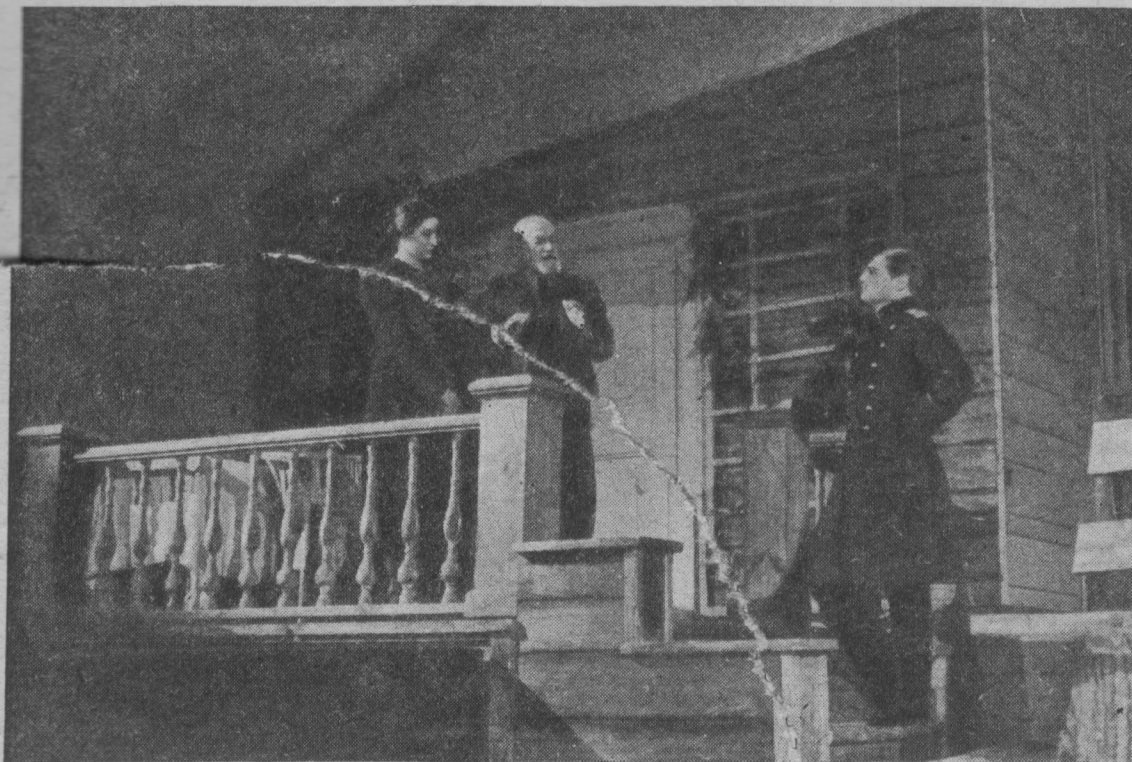
определенный», — так записал в своих воспоминаниях К. С. Станиславский. «После первого акта были трескучие вызовы, актеры выходили к публике что-то около двенадцати раз. После третьего аплодировало несколько человек и актеры выйти не могли, а после четвертого жидко вызывали один раз». И дальше: «Пришлось допустить большую натяжку, чтобы телеграфировать Антону Павловичу, что пьеса имела «большой успех».

Но уже на втором представлении «зрители сидели завороченные, слившиеся со сценой в одно целое, а в последнем акте, когда раздались звуки марша, под который уходил полк, и когда Маша говорила о лукоморье и пришел прощаться Тузенбах, отчетливо слышался плач в разных углах зала».

Впоследствии «Три сестры» стали одним из шедевров Художественного театра — спектаклем исключительного мастерства, подлинной жизненной правды, какого-то особого чарования тех смутных «чеховских» настроений тоски, грусти и неудовлетворенности жизнью, сквозь которые все же пробивалась и утверждалась большая человеческая мечта о лучшем будущем.

Известно, что на полях режиссерской партитуры еще до постановки пьесы К. С. Станиславский записал: «Боюсь, что, погнавшись за многими затеями, упустим самое главное: заключительную бодрящую мысль автора, которая искупит многие тяжелые минуты пьесы».

Эта бодрящая мысль, светлый, хотя и подернутый дымкой чеховской грусти взгляд его в будущее — перспективность пьесы — и было то, что обеспечило ей долгий и даже для Художественного театра невиданный в те годы успех. Заключительные монологи се-

На репетиции пьесы. Народный артист СССР В. И. Немирович-Данченко (в центре), Ирина — заслуженная артистка РСФСР А. О. Степанова и барон Тузенбах — народный артист СССР Н. П. Хмелев.

стер захватывали и умиротворяли зрителя: из театра он выходил в просветленном, приподнятом настроении. Вслед за Тузенбахом он готов был повторить его слова о грядущей буре, «которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушные, предубеждение к труду, гнилую скуку».

Именно в этом поле зрения разыгрывалась чеховская драма в ее первой блестящей и незабываемой мхатовской постановке.

«Доброе слово», о котором так мечтали чеховские сестры, стало эпиграфом сегодняшней постановки. Оно обращено не только к сестрам Прозоровым, но и ко всем «чеховским» людям. Оно обращено и к самой эпохе. Мхатовцы развернули перед нами во всю ширь ее безрадостную картину: пошлость, скуку, засасывающую тину беспечной и никчемной жизни старой провинции. Но, как настоящие русские люди, не только осуждая, но и любя свое прошлое, они сумели даже в безрадостных прозоровских днях найти светлые тона и броские краски. Они вспомнили лучших мечтателей того времени. Они прежде всего вспомнили самого Чехова. Все, что на сцене, они окрасили

не лучшим спектаклем Художественного театра.

Сейчас все изменилось на этой сцене. Скептики говорили так: только «старый» МХАТ мог играть Чехова. Или другое, а по существу, то же самое: МХАТ может играть только Чехова. Был, мол, когда-то этот единственный театр, были его актеры, нашедшие правильный, верный тон для сценической интерпретации чеховских пьес. Ничего лучшего и большего они создать не могли: да и нет их теперь, этих людей: одни уже сошли, другие сходят со сцены. И когда заходила речь о новой постановке «Трех сестер», скептики сокрушенно вздыхали. Чудес не бывает. Играть Чехова по-иному и так, чтобы это было хорошо, невозможно.

Чудес не бывает. Но был, есть и будет Московский художественный театр — великое и чудесное явление русской, а теперь и всей советской культуры. Что Чехова можно и должно сейчас играть по-иному, блестяще доказал тот же «старый» и вместе с тем уже другой, по-новому прекрасный Художественный театр.

И все изменилось сейчас на этой сцене. Как забываемо хороша была самая не-

дняшняя исполнительница этой роли — Степанова. Чуть-чуть больше обаяния молодости, типичных девических русских черт — и тогда замысел Степановой будет воплощен в полной мере.

Барона Тузенбаха играет Н. П. Хмелев. Этот образ не сразу дался Художественному театру. Только Качалов, к которому перешла, наконец, роль от ее первого исполнителя, добился большой и подлинно мхатовской удачи. Качалов прекрасно сумел оттенить в ней интеллигентность и большую потребность мыслить — черты с первого взгляда столь необычные в этом захудалом бароне-поручике. Хмелев играет Тузенбаха с большей остротой, нервностью, какой-то непоседливостью и устремленностью. Как и все остальные исполнители спектакля, он больше живет и действует на сцене, чем это было в девятьсот первом году. Барон Тузенбах — еще одно прекрасное достижение этого замечательного актера.

Как-то по-особому вспоминается милый и несчастный Чебутыкин — Артем — с его наивным релятивизмом («может быть, мне только кажется, что я существую») и той нарочитой хмуростью, за которой прятал Артем большую любовь и сочувствие Чебутыкина ко всей семье Прозоровых. А. Н. Грибов играет Чебутыкина с огромной правдивостью, но ему все же недостает этой милой артемовской теплоты. Точно так же, как и докторский военный сюртук Чебутыкина еще не обношен актером и слишком уж нов и свеж для этого растрепанного в жизни доктора, не «обносилась» у Грибова и вся его роль. Но уже и сейчас чувствуется, что скоро все обносится, приладится и придет на свое место в этом удавшемся в основном грибовском образе.

Почти то же самое надо сказать и о М. П. Болдумане — Вершинине. Как забыть о том непередаваемом обаянии, которое сообщал Вершинину его первый и гениальный исполнитель К. С. Станиславский! Соревноваться со Станиславским — задача почти непосильная. Отделаться от невольного и, думается, законного стремления в какой-то мере его повторить не менее трудно. К чести Болдумана, он хорошо выполнил свое (самое ответственное) задание в спектакле. Его Вершинин наделен своей особой характерностью и своими новыми и убедительными интонациями.

Пожалуй, самая большая актерская удача спектакля — это Солёный — Ливанов. Его объяснение в любви Ирине, когда он срывает вдруг с себя отвратительную свою маску и чуть не задыхается в, может быть, единственном в жизни наплыве искренних чувств, — почти предел актерского мастерства.

Исключительно хорош также и В. А. Орлов — Кулыгин. Очень тонко раскрыты в этом образе — носителе пошлости, самодовольства и тупости — его человеческие черты. В трактовке Орлова Кулыгин несмотря на все свои уверения, что он доволен жизнью, — все же несчастный и жалкий человек.

Тепло играет Андрея Прозорова В. А. Станицын. Хороша, хотя и не совсем еще овладела ролью, А. П. Георгиевская — Наташа. Все остальные исполнители спектакля: Федоткин — Дорохин, Родэ — Белокуров, Феронт — Попов, Анфиса — Соколовская — играют правдиво и непринужденно, отражая в маленьких этих, эпизодических ролях характерные черты и образы жизни.

Режиссура спектакля (Вл. И. Немирович-Данченко, Н. Н. Литовцева, И. М. Раевский) словно вырвала из безвременья девятидесятих годов все то лучшее и прекрасное, что не так-то легко было найти в мертвящей, тупой и бессмысленно жестокой жизни тех лет.

Завороженно и растроганно воспринимает зритель этот спектакль. Перед ним на сцене уже не те «чеховские» чувства и настроения, которые так волновали его когда-то в «Трех сестрах» на мхатовской сцене: перед ним прежде всего живые, и пусть безрезультатно, но действующие и страдающие хорошие и честные люди.

«Три сестры» в новой интерпретации театра — его новая и большая творческая победа.

Сцена из 1-го действия. Слева направо: Солёный — народный артист РСФСР Б. Н. Ливанов, барон Тузенбах — народный артист СССР Н. П. Хмелев, доктор — заслуженный артист РСФСР А. Н. Грибов, Ольга — народная артистка РСФСР К. А. Еланская, Ирина — заслуженная артистка РСФСР А. О. Степанова.

в новые, совсем другие цвета, раскрыли бесмертную чеховскую драму в ее современном, нашем понимании.

Чеховские мечтания, его большую, глубокую веру в человека и жизнь и ту жестокую правду, которую он говорил своим современникам, — все это Художественный театр как бы преломил сквозь призму событий, разыгравшихся в прозоровском доме. В старой постановке «Трех сестер» на сцене жили не столько сами действующие лица драмы, не столько люди, сколько их чувства. Люди почти не действовали: они вспоминали, как бы вскользь роняли слова, мечтали, философствовали, а то и безмолвствовали в смутных своих грезах. На этом и строилась актерская игра: на паузах, полутонах, на своеобразном «настроении» чеховской драмы. Оно незримо возникало на сцене и как бы струилось оттуда в зал, вызывая в зрителях ответную реакцию — боль сострадания к этим несчастным и бессильным в своих мечтаниях людям. «Бодрящая мысль» не сразу далась театру. Не сразу обозначился и успех спектакля. Тогдашняя критика встретила его резкими отзывами, и прошло немало дней («три года», — говорит К. С. Станиславский в своих воспоминаниях), пока, наконец, первая постановка «Трех сестер» не была признана замечательным и едва ли

счастливая и самая привлекательная из сестер — Маша — Книппер! И как по-другому уже хороша в этой роли Алла Тарасова! У Книппер было больше тоски и скорбной примиренности с жизнью. У Тарасовой больше страсти, больше любви, а если хотите, даже и упоения жизнью. И когда ее надломленная мечта становится вдруг только шепотом и горьким воспоминанием, сколько неизбывной боли в упорно и в который раз повторенных ею словах о том, что жить все-таки надо...

Савицкая — Ольга — одно из самых дорогих воспоминаний Художественного театра. Сейчас Ольгу играет Еланская. Тот угол зрения, под которым сегодня Режиссерски воплощен весь спектакль, переместил этот образ на самый первый и передний план пьесы. Ольга все же самая деятельная из сестер. И если Савицкая чудесно оттеняла неудовлетворенность Ольги своей работой, в условиях тех лет безрадостной, скучной и почти ненужной, Еланская строит образ на стремлении Ольги переломить свою тоску, найти утешение в том далеком и неведомом «добром слове», которым ее когда-нибудь помянут более счастливые и целеустремленные люди.

Ирина — Андреева, а потом Бутова — была как-то мягче, лиричнее, печальнее чем сего-

Зарубежом

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО НОРТОН I

Кто он был: сумасшедший, или ловкий жулик, или и то и другое вместе,—сказать трудно. Во всяком случае, изобретенный им для себя пышный титул — императора Соединенных Штатов и протектора Мексики — обеспечил Нортону I не только безбедное и беззаботное существование, но и посмертную славу.

В 1849 году Джошуа Нортон, обладатель довольно солидного по тем временам капитала в сорок тысяч долларов, приехал в молодой город Сан-Франциско и занялся там торговыми операциями. Сорок тысяч скоро превратились в двести пятьдесят тысяч, а двести пятьдесят тысяч в результате неудачной спекуляции еще скорее свелись к нулю. Нортону пришлось поступить бухгалтером к какому-то китайскому купцу.

В это время — в конце пятидесятых годов — политическое положение в США было очень напряженным. Отношения между Севером и Югом становились все более обостренными. Все ближе надвигалась угроза открытого разрыва. Вскоре после своего разорения Нортон стал усиленно агитировать за довольно неожиданное средство примирения прогрессивного Севера и рабовладельческого Юга: он начал кампанию за установление в США императорской власти. Только империя, утверждал предприимчивый, по мнению многих, «тронувшийся» бухгалтер, способна обеспечить «единство» страны. За Нртоном быстро установилась кличка «император».

17 сентября 1859 года в газете «Сан-Франциско бюллетень» появилось следующее необычайное извещение:

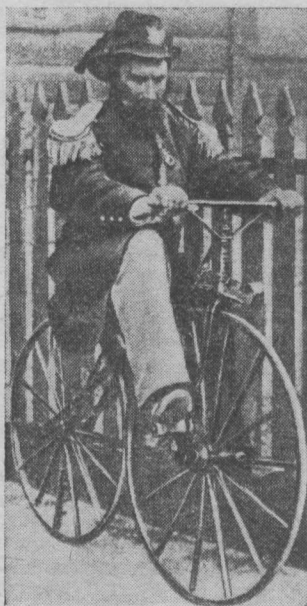
«По настоянию значительной части граждан Соединенных Штатов я, Джошуа Нортон, провозглашаю себя императором США и приказываю представителям отдельных штатов собраться 1 февраля

следующего года в городском концертном зале для выработки нового государственного порядка, который устранил существующие ныне неполадки и докажет как нашей стране, так и иностранным державам нашу устойчивость и неприкосновенность.

НОРТОН I,
император Соединенных Штатов».

Граждане города Сан-Франциско не прочь были похвастаться такой диковинкой, какой уж наверняка не имел больше ни один город Соединенных штатов, — «императором». Они пожертвовали новоиспеченному монарху старый мексиканский мундир с пыльными эпюлетами и лихой цилиндр с кокардой и гордо развевающимися перьями цапли. Скипетром новому самодержцу служила трость, поднесенная одним из его «подданных», обвитая змеей. Гордого скакуна владыке США заменило более современное средство передвижения — велосипед.

Нортон I не удовлетворялся своей популярностью в Сан-Франциско и возможностью безбедного существования, которое обеспечивали ему его поклонники. Он жаждал активного вмешательства в политические дела, принимал участие в заседаниях законодательного собрания штата, где ему было отведено особое, почетное место, и публиковал в газетах Сан-Франциско самые невероятные прокламации, начинавшиеся традиционной формулой: «Мы, Нортон I, божией милостью император Соединенных Штатов и протектор Мексики, повелеваем...» «Император» собирал налоги со своих «подданных» и даже выпускал банкноты (стоимость каждой, правда, не превышала 50 центов). Банкноты «императора» имели в Сан-Франциско беспрепятственное хождение; многие даже приплачивали за эти диковинные «деньги» и вывешивали их в рамках на стене: вот-де, мол, какие мы, калифорнийцы, у нас даже

«Император» в парадном облачении.

император есть, и самый настоящий, с собственной валютой!

Ни в ресторанах, ни в гостиницах, ни на пароходах Нортону не приходилось платить ни цента: владельцы рады были услужить этой живой рекламе. На обновление «императорского» гардероба выдавалась субсидия из городской кассы.

Комната Нортона была увешана портретами европейских монархов, с которыми он, по его уверениям, состоял в ближайшем родстве.

Смерть Нортон, последовавшая 8 января 1880 года от разрыва сердца, вызвала целую сенсацию. За его гробом шла десятилетняя толпа.

Об этом шутовском «императоре» вспомнили несколько лет назад, в связи с постройкой гигантского моста через залив Сан-Франциско. Какой-то любитель диковинок откопал в старых газетах «приказ» «императора», датированный 19 августа 1869 года, о постройке моста через залив. В то время такое сооружение было технически неосуществимо и не мыслимо, и современники весело посмеялись над новой выдумкой «монарха», который как-то в дружеском кругу сам назвал себя «величайшим юмористом мира». Потомки, на деле осуществившие то, что шестьдесят лет назад было беспочвенной фантазией, признали Нортон I духовным отцом прекрасного сооружения. Его останки были перенесены в Вудлендский парк, неподалеку от нового моста, и похоронены с военными почестями. На могиле возведен памятник «Нортону I, императору Соединен-

ных Штатов и протектору Мексики».

Так в США дурачат и «забавляют» «среднего американца»!

В БЕЙТЕНЗОРГСКОМ САДУ

Есть в мире чудесный уголок, где полностью сохранился и в наши дни климат дотретичного периода, где и сейчас нет времен года и их смен, а температура и погода равномерны и одинаковы на протяжении целого года.

Это небольшой город Бейтензорг и его окрестности на острове Яве, в 50 километрах от города Батавии, административного центра Голландской Индии.

Бейтензорг находится близ экватора, но температура здесь никогда не бывает выше 31 градуса Цельсия. Средняя температура самого жаркого месяца года — сентября — 25,5 градуса, а самого холодного месяца — февраля — 24,5 градуса. Средняя годовая температура почти та же — 25 градусов.

Бейтензорг — один из самых дождливых уголков земного шара. В год здесь выпадает до 4500 миллиметров осадков. Для сравнения напомним, что в Москве, например, в год выпадает около 600 миллиметров. Однако ни болот, ни сырости, ни грязи это чрезмерное обилие осадков не вызывает. Вода быстро впитывается почвой, а к следующему утру улицы обильно покрываются пылью. Отсутствие же дождя в течение нескольких дней подряд уже знаменует собой засуху.

Эти исключительные климатические условия Бейтензорга объясняются его своеобразным местоположением — у склонов двух вулканов, из которых один — действующий, и у двух рек.

Ровный климат и обилие осадков способствовали тому, что по роскоши и богатству своей тропической растительности Бейтензорг занимает одно из первых мест в мире. Свыше 100 лет назад здесь был создан образцовый ботанический сад.

«В течение пяти месяцев ежедневно ходил я по его аллеям и полянам, — пишет о Бейтензоргском ботаническом саду побывавший там в 1909 году харьковский профессор В. М. Арнольд, — и чем более я всматривался, тем больше видел новых форм и тем яснее становилось мне, что нужны целые годы жизни, чтобы действительно ознакомиться с теми бесконечными сокровищами, которыми наполнен этот сад»¹.

Вот, например, оригинальное растение — дишидия, — которое растет лишь на стволах и ветвях других деревьев. Оно имеет листья двоякого рода: одни — почти округлой формы —

служат, как обычно, для питания растения, а другие имеют форму мешков. В этих мешках находятся вода и пучки корней самого растения. Так как дишидия, живя на чужом дереве, получает воду только от дождя, причем эта вода быстро стекает, то растение превратило часть своих листьев в водяные резервуары, хранит в них воду и сюда же пускает свои корни.

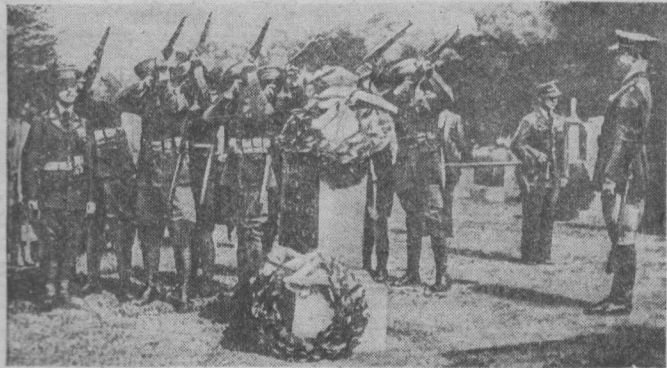
Одно из красивейших растений в мире — чисто яванская пальма яванг. Она замечательна не только своей красотой, но и тем, что цветет и приносит плоды только один раз в своей жизни. Достигнув 40—50-летнего возраста, яванг выкидывает красный султан с массой мелких цветков. По мере созревания плодов роскошные огромные листья начинают вянуть, а когда плоды созревают, пальма умирает.

А вот густая чаща пальм-лиан-ротангов и тому подобных страшилищ растительного мира. Длинные тонкие отволы пальм-лиан лежат на земле, как громадные змеи, образуя огромные петли и изгибы, поднимаясь кверху до самых верхушек чужих деревьев. Сверху свешиваются сотни удочек, которые медленно покачиваются и своими крючками впииваются в платье и тело смельчака, рискующего проникнуть в их чащу. При попытке освободиться в него вонзаются новые крючки. Единственное спасение, — оставаясь спокойно на месте, обрубить острым яванским ножом-голоком все окружающие удочки. Черешки листьев вооружены еще сильнее: из них торчат целые кинжалы, которые могут опасно ранить человека. Для чего пальме нужно это вооружение? Только для борьбы за... свет, которого очень мало в густом тропическом саду. С помощью крючков и шипов своих листьев они взбираются на ветви и вершины других деревьев, стремясь к свету.

В одном из отделов сада можно, между прочим, увидеть стройное дерево с оригинальными цветочками в виде блюдечка на подставке. Это знаменитый анчар, дерево смерти, воспетое Пушкиным:

«К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набезит —
И мчитя прочь уже тлетворный».

Современная наука выяснила, что ядовит только млечный сок анчара, и то лишь, если он попадает непосредственно в кровь. В остальном анчар — дерево безобидное. Под одним анчаром в саду устроена скамейка, на которой посетители спокойно отдыхают, не замечая даже, под каким страшным деревом они сидят...

Салют над могилой Нортон.

¹ Проф. В. М. Арнольд «По островам Малайского архипелага», стр. 54. 2-е изд. М. и Л. 1923.

Дмитрий СЕМЕНОВСКИЙ «А. М. Горький. Письма и встречи». Издательство «Советский писатель». 1940.

Горький, по его собственному подсчету, написал за свою жизнь не менее двадцати тысяч писем. Цифра колоссальная! Она одна уже сама по себе свидетельствует о совершенно исключительной энергии, которой обладал этот замечательный человек.

А ведь Горький не просто отвечал на письма, посылавшиеся ему со всех концов страны: своим корреспондентам, которые подавали хоть какие-нибудь надежды, он стремился всячески помочь, вырастить людей, полезных своей родине. За почтовой связью зачастую следовало у Горького и личное общение.

Поэт Дм. Семеновский впервые обратился к Алексею Максимовичу со своими стихами в 1913 году. Был он тогда девятнадцатилетним юношей, выгнанным с «вольным билетом» из семинарии. Горький сразу напечатал некоторые его стихи, помог ему материально. Но главное, он стал внимательно и чутко следить за идейным и творческим ростом молодого поэта, критикуя его недостатки и тщательно подчеркивая его удачу. В 1915 году состоялась первая личная встреча Семеновского с Алексеем Максимовичем.

В своих воспоминаниях Семеновский любовно и просто воспроизводит образ А. М. Горького как человека и как организатора и руководителя литературы (именно эта сторона деятельности Алексея Максимовича показана автором наиболее полно и выпукло). Горький обладал редкой в писательском мире способностью активно радоваться чужим произведениям. Он ввел в литературу десятки, а может быть, и сотни писателей. Но вместе с тем он был строг и требователен. Говоря о горьковской выскальности, Семеновский вспоминает слова А. С. Новикова-Прибоя: «Ох, и здорово сердится, когда вещь плохая! Такую задаст баню, что никогда не забудешь».

Подлинным украшением книжки Дм. Семеновского являются многочисленные отрывки из писем Алексея Максимовича. В них он часто выходил далеко за пределы тем, касавшихся одного лишь адресата.

В первом же своем письме Семеновскому Горький писал:

«Не забывайте, что литература у нас, на Руси, дело священное, дело величайшее...»

В том же письме говорится:

«Русь нуждается в большом поэте. Талантливых —

не мало, вон даже Игорь Северянин даровит! А нужен поэт большой, как Пушкин, как Мицкевич, как Шиллер, нужен поэт — демократ и романтик, ибо мы, Русь, — страна демократическая и молодая».

В этих строках как бы предчувствуется появление Маяковского.

В одном из писем советского периода Горький предлагал автору книги написать очерк прозой, «перебывая ее — там и тут — строками ваших стихов»:

«Этой работой вы создадите новую форму очерка — патетический, пафосный очерк, и этим вы положите начало новому приему изображения и, может быть, начало нового течения в литературе нашей. Это не будет романтизм «Путешествия на Гарц» Гейне, а должно быть советской героической романтикой. Вы достигнете этого, если будете писать прозу так, что она сама, свободно и естественно, перейдет в стихи».

Таких интереснейших и глубоко принципиальных высказываний Горького о литературе, о поэзии в книжке Семеновского собрано много, и это только увеличивает ее ценность.

Г. ЛЕН

«В СТАРОЙ МОСКВЕ». Материалы и документы. Общая редакция, предисловие и заключение Л. Никулина и Г. Рыклина. Собрал Г. Блок и А. Тертерян. Издательство «Московский рабочий». 1939.

«Как хозяйничали купцы и фабриканты в старой Москве» — такова основная тема сборника. В заметках и фотоснимках из дореволюционных газет и журналов, в отрывках из воспоминаний старых москвичей, в официальных документах — приказах, распоряжениях, статистических сводках, протоколах Московской городской думы — запечатлен неприглядный облик старой, буржуазно-дворянской Москвы и ее тогдашних хозяев.

Это из-за нас, из-за бедных и нечистых на руку «отцов города», Москва вплоть до революции оставалась большой неблагоприятной деревней. Трудящееся население миллионного города терпело всевозможные неудобства и лишения, зато московские правители с удовольствием пересчитывали свои доходы.

Вот некоторые факты, приведенные в сборнике:

«Когда... для расширения Кузнецкого переулка (нынешнего Кузнецкого моста) понадобилось срезать угол одной усадьбы, ее владелец потребовал 100 тысяч рублей за 54 квадратных сажени земли... Потребовались целые года судебной

волокуты, чтобы произвести принудительное отчуждение части участка, причем владельцу все-таки было заплачено около 50 тысяч рублей».

«Существовало 15 Александровских улиц, 14 Бельмановых переулков, 11 Никольских переулков, 9 Лесных, 9 Банных, 4 Алексеевские улицы. Об упразднении неудобной «одноименности» улиц и переулков в городской думе говорили целыми десятилетиями, но все оставалось прежним».

«Новый Москворецкий водопровод был построен только через 16 лет после того, как городская управа впервые занялась обсуждением этого вопроса».

«Москва-река служила сточным местом для множества фабрик и заводов, расположенных на ее берегах. Зловоние, исходившее от речных берегов, достигало такой пронзительности, что даже царская администрация зашевелилась. Однако попытки ограничить свободу предпринимателей پاکостить реку, как им вздумается, встречали самое деятельное их противодействие».

«Смертность в Москве, —

писал «Голос Москвы» в апреле 1910 года, — выразилась в 42 936 случаях. Коэффициент смертности по сравнению с прошлым годом поднялся на 23,3 процента».

Такой вид имела Москва, управляемая купеческой думой и царскими чиновниками.

Некий буржуазный журналист с горькой иронией писал накануне первой империалистической войны:

«Вообще должен вам сказать, что не позднее чем через 500 лет Москва будет по внешнему виду вполне столичным городом, который сможет выдержать сравнение со всеми нынешними зарубежными товарищами».

Журналист этот не «предугадал» большевиков, которые за два десятилетия превратили Москву в культурнейшую столицу мира.

Составители сборника поступили совершенно правильно, включив в книгу некоторые цифровые данные о современной советской социалистической Москве. Благодаря этому пропасть между старой и новой Москвой рисуется еще ярче и нагляднее. Л. Г.

ЮБИЛЕЙ «СПАРТАКА». Спортивное общество работников промкооперации «Спартак», награжденное орденом Ленина, недавно отпраздновало свое пятилетие.

«Спартак» проделал большую работу по воспитанию здоровых и жизнерадостных людей, способных поднять могущество Советской страны на должную высоту и защитить ее от покушений со стороны врагов.

За 5 лет в низовых коллективах «Спартак» подготовлено около 150 тысяч значкистов ГТО, причем в последние годы план подготовки значкистов неизменно перевыполнялся. Если в 1938 году он был перевыполнен почти на 13 процентов, то в прошлом году этот процент удвоился. Около 100 тысяч спартаковцев имеет значок «ворошиловский стрелок», а в этом году предполагается подготовить еще 428 тысяч.

«Спартак» имеет мощные спортивные секции: 62 тысячи гимнастов, 15 тысяч лыжников, 24 тысячи футболистов, 3500 гиревиков и т. д. Среди чемпионов и рекордсменов страны немало спортсменов общества «Спартак».

Футбольная команда мастеров «Спартак» 2 года подряд выигрывает дубль: первенство страны и «Кубок СССР». Среди чемпионов страны по боксу 8 спартаковцев. Второй советский велотур и множество других командных соревнований выиграла спартаков-

цы. 10 мировых и 18 всеобщих рекордов принадлежат «Спартаку». Имена спартаковцев-орденоносцев: Старостиных, Знаменских, Дмитриева, Попова, Амбарцумяна и других — известны не только у нас, но и за рубежом, где они успешно защищали спортивную честь своей социалистической родины.

А когда потребовалось, спартаковцы проявили свое мастерство и свой героизм в боях с поджигателями войны. Спартаковец Иван Ульянов получил звание Героя Советского Союза на фронте борьбы с белофиннами, где показал чудеса мужества, смелости и отваги.

МЕТРО И СПОРТ. Станция «Динамо», украшенная барельефами, отображающими все виды спорта, открыла новые возможности для массового развития физической культуры. Она приблизила стадион к центру Москвы, обеспечила тысячам физкультурников и физкультурниц экономии времени и облегчила посещение матчей и тренировок.

Коллектив метростроевцев готовит советским спортсменам еще более замечательный подарок: станцию метро «Центральный стадион СССР».

Эта станция будет самой большой из существующих: 3 подъездных пути, 2 платформы, 12 эскалаторов. Наземный вестибюль этой станции будет в четыре раза больше чем вестибюль станции «Динамо».

ИГРА С «ДЫНЕЙ». Так можно назвать регби — одну из интереснейших современных спортивных игр. Эта игра производится с мячом, имеющим овальную форму. Такой мяч не катится, а прыгает по земле, и поэтому его предпочитают переносить в руках, а не бить ногами.

В регби играют на такой же площадке, как футбольное поле. В игре принимают участие 2 команды по 15 человек в каждой. Команды состоят из игроков нападения, игроков трех четвертей нападения и одного защитника.

Задача каждой команды — приблизить мяч к лицевой линии противника и приземлить его за линией ворот противника. Разрешается бить по мячу руками и ногами, передавать его всеми способами от игрока к игроку, но... только не вперед. Мяч может передаваться вперед только или в руках бегущего игрока или ударом ноги в воздух (вести его по земле ударами ног почти невозможно). За передачу мяча вперед из рук в руки назначается «схватка» — коллективная борьба за мяч, брошенный на землю.

Команда, приземлившая мяч за лицевой линией противника, получает 3 очка и право на удар по воротам, так называемую попытку. Ворота имеют форму буквы «Н». Если мяч проходит над поперечной планкой ворот, команда получает еще 2 очка. Пройти мяч над планкой можно и в процессе игры. Такой выигрыш называется дропголом.

По правилам регби, игрока, несущего мяч, разрешается хватать за руки, за корпус и за ноги. Разрешается борьба за обладание мячом, и это делает игру напряженной и захватывающей. Регби развивает мужество, ловкость, выносливость. Эта игра воспитывает энергичного бойца, не теряющегося ни при каких обстоятельствах. Опыт показывает, что регби несколько не «опаснее» других спортивных игр.

В старой России регби не существовало. В СССР эта игра начала практиковаться в 1926 году. Сильнейшей нашей командой в настоящее время считается команда «Динамо», имеющая за все время своего существования только один проигрыш. К сожалению, это объясняется не только спортивными качествами динамовской команды, но и отсутствием достаточного количества соперников: добровольные спортивные общества забыли об этой игре и не культивируют ее так, как она этого заслуживает. А интерес к регби велик.

Последнюю показательную встречу, которая состоялась 30 мая на стадионе «Сталинец» между командами «Динамо» и сборной Москвы, с интересом наблюдали десятки тысяч зрителей.

ЭНМЕН

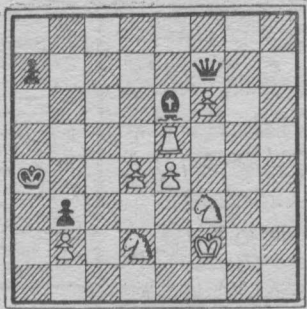
ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

Шахматная практика дает множество примеров с фантастическим расположением фигур и оригинальным соотношением борющихся на доске сил. Мы уже приводили ряд таких примеров из практики мастеров.

Поразительным примером является позиция из партии Яновский — Эдуард Ласкер (Нью-Йорк, 1924 год).

Сила белых в их связанных трех проходных пешках. Не желая расставаться ни с одной из них, белые жертвуют качество, обеспе-

чивая своим пешкам движение вперед.

1. Ле5 : е6! Фf7 : е6
2. е4—е5 Кра4—b4
3. Kpf2—e3 а7—а5
4. Кре3—f4 а5—а4
5. Kf3—g5 Фе6—d7
6. f6—f7 Фd7—e7
- Если 6. ... Ф : d4+, то 7. Kde4 Фd8 8. Ke6 Фh4+ 9. Kpf5 и выигрывают.
7. d4—d5 а4—а3
8. b2 : а3+ Kpb4—c3!
- Сильнее чем 8. ... Кр : а3, ибо задача черных — обеспечить дальнейшее продвижение пешки «b».
9. d5—d6 Фе7—f8
10. Kg5—e4+

Положение еще больше запутывалось после 10. Kde4+ Kpc2 11. e6 b2 12. e7 Фh6 13. f8Ф Фh4+ 14. Kpf5 b1 Ф 15. e8Ф. На доске создавалась позиция с четырьмя ферзями, но, повидимому, и здесь материальный перевес белых должен был сказаться. Белые вместо этого избирают «спокойное» продолжение, также приводящее к выигрышу:

10. Kpc3—d3
11. е5—е6 Фf8—h6+
12. Kpf4—f5 b3—b2
13. d6—d7 Фh6—f8
14. а3—а4
- План белых прост: продвинуть пешку до а7, чтобы и она приняла участие в создании новых ферзей. Допустить это черные не могут, и поэтому они предпринимают попытку добиться вечного шаха, что неожиданно им удастся:
14. Фf8—a8
15. е6—e7 Фа8—d5+

16. Kpf5—f6 Фd5—d4+ 17. Kpf6—e6? В решающий момент белые допускают ошибку. Несложно выигрывало 17. Kpg6! [b1] Ф 18. d8Ф. Если же 17. ... Фg1+, то 18. Kg5 и белые имеют возможность провести все свои три пешки в ферзи. Теперь вечный шах, о котором мечтали черные, становится реальностью:

17. b2—b1Ф 18. Kd2 : b1 Не лучше 18. d8Ф Фа2+ 19. Kpf5 Ф : f7+, и белому королю не скрыться от шахов. 18. Фd4—e4+ 19. Кре6—f6 Фе4—h4+

Согласились на ничью, так как после 20. Kpg7 Ф : e7 21. d8Ф Ф : d8 22. f8Ф Фd7+ и 23. ... Ф : a4 лишний конь не дает белым победы.

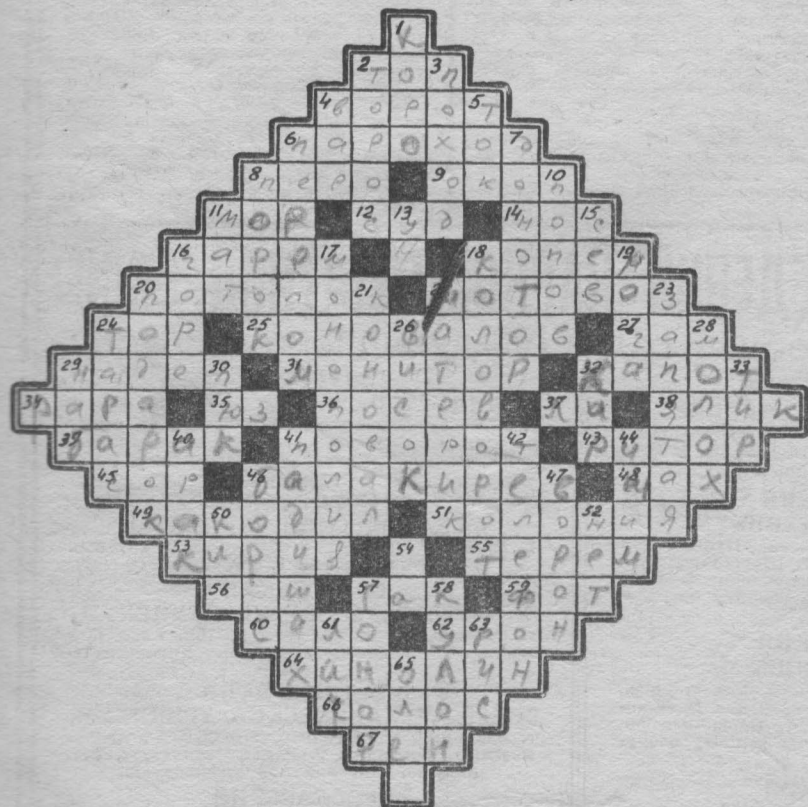
Редкий случай борьбы ферзя против трех пешек на 7-й горизонтали.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» И. ВИШНЕВСКИЙ.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. Древний ударный инструмент.
4. Подъемный механизм.
6. Судно.
8. Письменная принадлежность.
9. Военно-полевое сооружение.
11. Родоначальник утопического социализма.
12. Орган правосудия.
14. Название повести Н. В. Гоголя.
16. Женская половина дома у мусульман.
18. Пират (XVII—XVIII вв.).

20. Часть комнаты.
22. Локомотив с двигателем внутреннего сгорания.
24. Архитектурное украшение.
25. Рассказ Горького.
27. Шум.
29. Крестьянский участок земли.
31. Военный корабль.
32. Старомодная домашняя одежда.
34. Птица.
35. Изобретатель телеграфного аппарата.
36. Полевая работа.
37. Мера длины в Китае.
38. Лодка.
39. Постройка временного характера.
41. Изменение направления.
43. Учитель красноречия в древней Греции.
45. Мусор.
46. Русский композитор.
48. Шахматный термин.
49. Ядовитое химическое вещество.
51. Заморские владения капиталистических стран.
53. Название группы населения в древнем Риме.
55. Комната в боярском доме.
56. Немецкий писатель.
57. Железный крюк.
59. Единица плотности светового потока.
60. Составная часть живой ткани.
62. Потери.
64. Химическое вещество.
66. Главная звезда созвездия Девы.
67. Горный хребет в Германии.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Знаменитый французский живописец.
2. Нагромождение льда.
3. Переход.
4. Корабельная смола.
5. Место молотбы.
6. Резкое изменение.
7. Человек, дающий свою кровь для переливания.
8. Нравственный недостаток.
10. Изобретатель радиотелеграфа.
11. Шахматный термин.
13. Типографский термин.
15. Полевая работа.
16. Несчастье.
17. Исключительное право.
18. Инструмент.
19. Орган защиты у некоторых животных.
20. Лар.
21. Ветеринар-самоучка.
22. Суша.
23. Знак препинания.
24. Герой произведения Гоголя.
26. Часть черепа.
28. Вид ящериц.
29. Приток Дуная.
30. Отверстие в палубе.
32. Смесь природных оптомов.
33. Стрельбище.
40. Спиртной напиток.
41. Восточный титул.
42. Средство связи.
44. Приток Иртыша.
46. Мужское имя.
47. Птица.
50. Знаменитый мореплаватель.
52. Отрицание.
54. Древнеегипетский бог солнца.
57. Непышность.
58. Украшение.
61. Край паруса.
63. Злак.
65. Русский князь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В «ОГОНЬКЕ» № 16.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Мас. 7. Закон. 8. Хап. 10. Филин. 11. Модус. 13. Баран. 14. Газон. 16. Ротор. 18. Рак. 19. Шакал. 21. Ликер. 23. Куб. 25. Череп. 27. Полосатик. 29. Голос. 30. Молот. 32. Кутузов. 33. Волос. 34. «Демон». 36. Нарев. 39. Полис. 40. Лев. 42. Чулок. 43. Гобелен. 46. Берет. 48. Боровик. 49. Парагенизис. 50. Самовар. 52. Нанос. 53. Кипарис. 55. Ветер. 57. Тик. 58. Топор. 60. Битум. 62. Минер. 64. Камей. 66. Сувенир. 69. Докер. 72. Филер. 73. Палатинат. 75. Халиф. 76. Рот. 77. Заказ. 78. Конон. 80. Лес. 81. Пагур. 83. Тенор. 84. Тапир. 86. Нубия. 87. Герой. 88. Лак. 89. Кизил. 90. Мол.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Шалаш. 2. Кашатот. 3. Водолаз. 4. Задор. 5. Мир. 6. Синап. 8. Хорек. 9. Нут. 10. Факел. 12. Сокол. 13. Барон. 14. Галун. 15. Нитон. 17. Рулон. 18. Рем. 20. Кокос. 22. Кивач. 24. Бос. 26. Подол. 28. Суверенитет. 29. Говор. 31. Телепатия. 33. Велосипед. 35. Минарет. 37. Рубикон. 38. Поташ. 39. Перов. 40. Легат. 41. Венок. 43. Комар. 44. Вития. 46. Бан. 47. Тес. 51. Вебер. 54. Порох. 56. Руеак. 58. Тиран. 59. Галоп. 61. Мулат. 62. Минор. 63. Велер. 64. Кир. 65. Метан. 67. Вазелин. 68. Никотин. 70. Калий. 71. Рис. 73. Парик. 74. Тотем. 77. Зубан. 79. Народ. 82. Гул. 85. Пол.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. № К 2-96-12, К 4-28-45.

Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

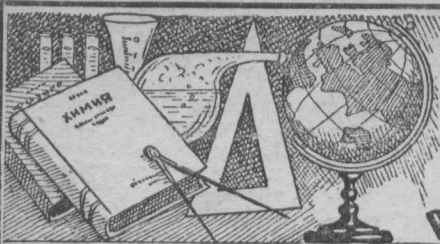
Оформление И. Уразова.

Стат. формат 275×360 мм. 1/8 доли, 1 1/2 бум. листа.

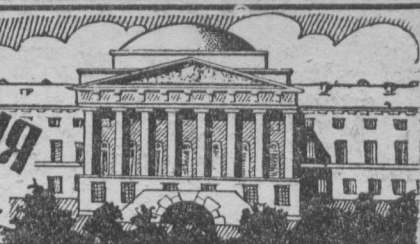
Техредактор А. Котельникова.

Удостоверенный Главлита А—28898. Изд. № 626. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 19/V—40 г. Подписано к печати 17/VI—40 г. Зак. 1802. Тираж 300 600.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Прием в учебные заведения в 1940-1941 учебном году

МОСКОВСКИЙ ТЕКСТИЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Народного Комиссариата
Текстильной Промышленности
СССР

ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР СТУДЕНТОВ
на 1-й курс 1940—1941 учебного года.

Институт готовит инженеров по
специальностям:

- 1) хлопкопрядению,
- 2) технологии шерсти,
- 3) шолкопрядению,
- 4) ткачеству,
- 5) трикотажному производству,
- 6) химической технологии волоконных веществ,
- 7) художественному оформлению текстильных изделий,
- 8) механическому и энергетическому хозяйству текстильных предприятий, конструированию текстильных машин,
- 9) швейному производству,
- 10) экономике и планированию текстильной, трикотажной и швейной промышленности.

СРОК ОБУЧЕНИЯ — 5 ЛЕТ.

Прием заявлений с 20 июня по 1 августа.
ПРИЕМНЫЕ ИСПЫТАНИЯ производятся с 1 по 20 августа.

Программы и правила приема, справочник и бланки заявлений выдаются и высылаются бесплатно по получении запроса.

Адрес Института: Москва, 71, Донская ул., д. 62. Телефон В 1-95-70, доб. 7. Трамвай: 10, 18, 24, 26, 42, 47. Троллейбус № 4.

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ КОММУНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ
на 1-й курс 1940—1941 учебного года
на факультеты:

СТРОИТЕЛЬНЫЙ,
ВОДОСНАБЖЕНИЯ и КАНАЛИЗАЦИИ,
ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ и ВЕНТИЛЯЦИИ,
ГОРОДСКИХ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ,
ИНЖЕНЕРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ.

Срок обучения в Институте — 4 года 10 месяцев.

Прием заявлений с 1 июня по 1 августа. Приемные испытания производятся с 1 по 20 августа. Явка на испытания по вызову. Для иногородних предоставляется общежитие. По требованию высылаются проспект и программы испытаний.

При Институте имеется ОТДЕЛЕНИЕ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ, готовит без отрыва от производства инженеров по всем указанным специальностям, кроме инженеров-экономистов.

Адрес: Москва, 47, Тверской-Ямской переулок, дом № 17. Справки по телефону Д 1-92-63.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ РИСОВАНИЯ и ЖИВОПИСИ ВСЕСОЮЗНОГО ДОМА НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА им. Н. К. КРУПСКОЙ

**ОБЪЯВЛЯЮТ
ОСЕННИЙ НАБОР УЧАЩИХСЯ.**

К приему следует представить: несколько рисунков с натуры и на свободную тему, а также заверенную анкету и краткую автобиографию.

Набор учащихся будет проведен в сентябре; вступительные рисунки и документы принимаются до 1 августа 1940 года.

Условия приема высылаются по требованию. При запросах об условиях приема необходимо приложить 30-копечную марку.

Адрес: Москва, 142, Армянский пер., 13, Центральные заочные курсы рисования и живописи.

ВДНТ.

МОСКОВСКИЙ АВИАЦИОННЫЙ ИНСТИТУТ имени СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

Объявляет прием студентов на заочн. отделение. Заочное отделение готовит инженеров-механиков по специальности: моторостроению и самолетостроению. Заявления подаются на имя директора Института до 1 августа 1940 г.

На заочное отделение принимаются лица, имеющие аттестат об окончании среднего учебного заведения. Лица, имеющие законченное высшее образование, принимаются без испытаний.

Адрес Института: Москва, 96, Волоколамское шоссе, д. 18. Тел. Д 1-97-24.

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР

МОСКОВСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ УЛЕБОПЕКАРНОЙ и КОНДИТЕРСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

объявляет прием студентов на заочн. отделение и на заочн. техникум.

ТЕХНИКУМ ГОТОВИТ: 1. Техников-технологов для хлебопекарной, кондитерской и консервной промышленности. 2. Техников-механиков по оборудованию предприятий пищевой промышленности.

Поступающие подвергаются очным испытаниям по тем же дисциплинам, что и в очные техникумы.

На заочное отделение техникума принимаются лица с образованием в объеме неполной средней школы (7 классов).

Приемные испытания проводятся:

в техникуме с 15/VIII по 1/X.

К заявлению о приеме необходимо приложить автобиографию, документ об образовании (в подлиннике), справку о состоянии здоровья, справку с места работы о занимаемой должности с указанием номера паспорта, три фотокарточки с собственноручной подписью, заверенной государственными учреждениями.

Обучение бесплатное.

Заявления и документы направлять с приложением марок на 90 копеек по адресу: Москва, 57, Волоколамское шоссе, д. № 21/25, Тел. Д 3-28-52. Метро-станция «Сокол», троллейбус № 1, трамвай №№ 13, 23 (ост. у МАИ).

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ Союза ССР при СНК Союза ССР

Московский ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ (МГМТ)

ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР СТУДЕНТОВ

НА ГИДРОЛОГИЧЕСКОЕ и МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЯ.

МГМТ готовит техникум-гидрологов и техникум-метеорологов.

СРОК ОБУЧЕНИЯ — 3½ года.

К приемным испытаниям допускаются лица, окончившие неполную среднюю школу (семилетку). Испытания производятся по русскому языку, математике, физике, географии и политграмоте. Без испытания в МГМТ принимаются лица, окончившие средние школы (десятилетку) и рабфак в 1939—1940 годах и окончившие на «отлично» семилетку.

ПРИЕМ ЗАЯВЛЕНИЙ с 1 июня по 1 августа.

К заявлению прилагаются автобиография, метрическая выписка, свидетельство об окончании неполной средней школы, справка о состоянии здоровья и 3 фотокарточки.

Начало испытаний с 15 августа, начало занятий с 1 сентября.

Выезжать на испытания исключительно только по вызову техникума.

Студенты техникума обеспечиваются общежитием и стипендией на общих основаниях.

Адрес: Москва, станция Кучино, Дзержинской железной дороги. Гидрометеорологический техникум.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НАРКОМТЕКСТИЛЯ СССР ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ на 1940—1941 учебный год в следующие техникумы:

МОСКОВСКИЙ ТЕКСТИЛЬНЫЙ ТЕХНИКУМ,

г. Москва, Б. Калужская ул., д. 63. Специальности: 1. Шерстопрядение. 2. Шерстоткачество. 3. Белье, крашение, печатание и отделка тканей. 4. Шолкопрядение. 5. Производство искусственного шолка. 6. Шолкоткачество. 7. Первичная обработка шерсти. 8. Хлопкоткачество. 9. Хлопкопрядение. 10. Механика по ремонту оборудования.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТЕКСТИЛЬНЫЙ ТЕХНИКУМ,

г. Ленинград, Фонтанка, д. 125. Специальности: 1. Хлопкопрядение. 2. Хлопкоткачество. 3. Бухгалтеры средней квалификации. 4. Товароведы. 5. Плановики-экономисты.

ИВАНОВСКИЙ ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫЙ ТЕХНИКУМ

г. Иваново, Московская ул., д. 48/2. Специальности: 1. Хлопкопрядение. 2. Хлопкоткачество. 3. Механика по ремонту оборудования.

ИВАНОВСКИЙ ХИМИКО-КОЛОРИСТИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ,

г. Иваново, Посадская ул., д. 3. Специальности: 1. Белье, крашение, печатание и отделка тканей. 2. Художники-рисовальщики.

КИНЕШЕМСКИЙ ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫЙ ТЕХНИКУМ,

г. Кинешма, улица Желябова. Специальности: 1. Хлопкопрядение. 2. Хлопкоткачество.

СЕРПУХОВСКОЙ

ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫЙ ТЕХНИКУМ,

г. Серпухов, Пушкинская, д. 7. Специальности: 1. Хлопкопрядение. 2. Хлопкоткачество. 3. Производство котонина.

КЛИНЦОВСКИЙ

ТЕКСТИЛЬНЫЙ ТЕХНИКУМ,

г. Клинцы, Орловской области, Пушкинская ул., д. 25. Специальности: 1. Шерстопрядение. 2. Шерстоткачество. 3. Пенькопрядение. 4. Пенькоткачество. 5. Механика по ремонту оборудования.

ВЯЗНИКОВСКИЙ

ЛЬНЯНОЙ ТЕХНИКУМ,

г. Вязники, Ивановской области, Майский пер., д. 1. Специальности: 1. Льнопрядение. 2. Льноткачество. 3. Теплотехника. 4. Первичная обработка льна. 5. Механика по ремонту оборудования.

КОСТРОМСКОЙ

ЛЬНЯНОЙ ТЕХНИКУМ,

г. Кострома, ул. Коммунаров, д. 1. Специальности: 1. Льнопрядение. 2. Льноткачество. 3. Механика по ремонту оборудования.

В. ВОЛОЦКИЙ ТЕХНИКУМ

ПЕРВИЧНОЙ ОБРАБОТКИ ЛЬНА,

г. В. Волоцкий, проспект Ленина, 64. Специальности: 1. Первичная обработка льна. 2. Первичная обработка новолубяных культур.

ШУЙСКИЙ

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ТЕХНИКУМ,

г. Шуя, Ивановской области, Сехская площадь, д. 6/2. Специальности: 1. Хлопкоткачество. 2. Механика по ремонту оборудования. 3. Электротехника.

НОГИНСКИЙ

МЕХАНИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ,

г. Ногинск, Московской области, село Глухово. Специальности: 1. Механика.

ОРЕХОВСКИЙ

ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫЙ ТЕХНИКУМ,

г. Орехово, Ленинская ул., д. 103. Специальности: 1. Хлопкопрядение. 2. Хлопкоткачество.

ВЛАДИМИРСКИЙ

ЭНЕРГО-МЕХАНИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ,

г. Владимир, ул. Луначарского, д. 3. Специальности: 1. Механика. 2. Электротехника. 3. Техники по вентиляции и увлажнению.

ЯРОСЛАВСКИЙ

ТЕКСТИЛЬНЫЙ ТЕХНИКУМ,

г. Ярославль, комбинат «Красный Перекоп», д. 54. Специальности: 1. Прядение. 2. Ткачество.

РЖЕВСКИЙ

ТОВАРОВЕДНЫЙ ТЕХНИКУМ,

г. Ржев, Калининской области, Смольная ул., д. 57. Специальности: 1. Товароведы льна. 2. Товароведы пеньки.

1. В техникумы принимаются граждане Союза ССР обоего пола в возрасте от 15 до 30 лет.

2. Прием заявлений начинается с 20 июня и заканчивается 10 августа.

К заявлению должны быть приложены следующие документы в подлиннике:

- а) метрическое свидетельство или другой документ, удостоверяющий возраст поступающего;
- б) документ об окончании неполной средней школы;
- в) справка о состоянии здоровья;

г) три фотографические карточки;

д) паспорт и воинский билет предъявляются лично.

3. В техникумы принимаются граждане, окончившие полную среднюю школу (проходят курс обучения в техникуме в 2½ года).

4. Все поступающие подвергаются приемным испытаниям по русскому языку и литературе, математике, Конституции СССР и географии.

5. Приемные испытания проводятся с 10 по 25 августа.

6. На время испытаний приезжим предоставляется общежитие.

ПОДРОБНЫЕ СПРАВКИ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ В ТЕХНИКУМАХ.

ВНИМАНИЮ

**КОМСОМОЛЬЦЕВ, несоюзной МОЛОДЕЖИ,
МОЛОДОЙ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1940 года
на ПОПУЛЯРНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК»

Выходит 2 раза в месяц.
Второй год издания.

«МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК» является популярно-теоретическим журналом по вопросам марксизма-ленинизма, рассчитанным на широкие массы комсомольцев и несоюзной молодежи, на молодую советскую интеллигенцию.

«МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК» помещает статьи и консультации по вопросам марксизма-ленинизма, теории и истории ВКП(б), истории СССР, международной политики и дает ответы и разъяснения по интересующим молодежь теоретическим и политическим вопросам.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес. — 1 руб., на 3 мес. — 3 руб., на 6 мес. — 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: всеми предприятиями связи (городскими и районными отделами, всеми почтовыми отделениями и агентствами), книжными магазинами Когиза, а также почтальонами, общественными уполномоченными по печати на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными издательств политотделских газет на транспорте.

Издательство «ПРАВДА»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1940 года
НА ЖУРНАЛ

«Большевистская ПЕЧАТЬ»

Журнал «Большевистская печать» — издание ЦК ВКП(б), выходит 2 раза в месяц.

В журнале печатаются руководящие статьи по всем отраслям работы большевистской печати, обобщается передовой опыт газет, журналов, издательств и т. д.

Журнал систематически печатает статьи и консультации по истории большевистской печати.

Для повышения квалификации газетных и издательских работников в журнале введен отдел «Учеба и опыт» (лекции, консультации по различным вопросам газетной техники: опыт работы отдельных газет, отделов, газетных работников).

Журнал «Большевистская печать» рассчитан на всех газетных работников (центральных, республиканских, областных, районных и многотиражных газет), работников издательств, полиграфистов и бумажников.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес. — 3 р. 50 к.

на 3 мес. — 10 р. 50 к.

на 6 мес. — 21 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: всеми предприятиями связи (городскими и районными отделами, всеми почтовыми отделениями и агентствами), книжными магазинами Когиза, а также почтальонами, общественными уполномоченными по печати на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными издательств политотделских газет на транспорте. Розничная продажа журнала производится во всех киосках «Союзпечати».

Издательство «ПРАВДА»

Гражданам,

*продавайте негодные
вышедшие из употребления
предметы хозяйственного и
домашнего обихода из цветных
металлов: САМОВАРЫ, ЧАЙНИКИ,
ПРИМУСЫ, КАСТРЮЛИ и ДР.*

**ЛОМ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ПОКУПАЕТ
ЧЕРЕЗ СВОИХ АГЕНТОВ И ПАЛЯТОЧНУЮ СЕТЬ-**

Интерст

„ВТОРЦВЕТМЕТ“

**А ТАКЖЕ ПАЛАТКИ СОЮЗУТИЛЯ,
ПРОМКООПЕРАЦИИ И ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ**

149
НАГАТИНСКОЕ ШОССЕ
П.В.А.В.В.
П.В.А.В.В.
1.17.1901

Огонек

Цена 1 рубль.